

ВАЛЕРИАН МАРКАРОВ

Легенда о Пиросмани

Валериан Маркаров
Легенда о Пиросмани

«Автор»

2019

Маркаров В.

Легенда о Пиросмани / В. Маркаров — «Автор», 2019

Рядом с нами порой живут удивительные люди, которые ещё до скончания их земных дней становятся легендой. Таков удел избранных. Они слышат, видят и чувствуют то, что недостижимо для простых смертных, а мы не замечаем их, не бережём. Вот таким создателем, чьё имя окружено ореолом бессмертия, и был Нико Пиросмани. Истории, которые о нём рассказывают, никто не может подтвердить или опровергнуть. Но именно они и есть его биография. Он сам её создал своей удивительной жизнью. Жизнь, превратившейся в Легенду о Мастере. И мы не имеем права не верить ей...

© Маркаров В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

От автора	6
Глава 1. Сказка о юном мечтателе	7
Глава 2. Слеза виноградной лозы	15
Глава 3. Старый Тифлис	19
Глава 4. Элизабед	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валериан Маркаров

Легенда о Пиросмани

Историческая драма, события которой разворачивались в Тифлисе на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков.

100-летию со дня смерти великого художника посвящается...

*«...Я заблудился, как овца потерянная:
взыщи раба Твоего,
ибо я заповедей Твоих не забыл...»¹*

¹ Т. е. спаси Своею милостию меня.

От автора

Рядом с нами порой живут удивительные люди, бытие которых, ещё до скончания их земных дней, становится легендой. Таков удел избранных. Они, питая высокие идеи человечества, слышат, видят и чувствуют то, что недостижимо для простых смертных, а мы не замечаем их, не бережём. Вот таким создателем, чьё имя окружено ореолом бессмертия, и был Нико Пиросмани. Истории, которые о нём рассказывают, никто не может подтвердить или опровергнуть. Но именно они и есть его биография. Он сам её создал своей удивительной жизнью. Жизнь, превратившейся в Легенду о Мастере. И мы не имеем права не верить ей...

Жизнь Нико Пиросмани заключена между двумя вопросительными знаками: когда родился? когда умер? А между ними – длинная вереница других вопросов. Кто сможет рассказать правду о нём? У кого спросить: у земли? у неба? Даже современники вспоминали Никалу как сон. Он так и остался загадкой для поколений. Одна достоверность – он жил. Одна очевидность – жив и поныне. Ведь каждому художнику отпущено две жизни. Одна – его собственная. Другая – жизнь его искусства, которая, бывает, надолго переживает самого мастера.

Понять этого удивительного человека можно, наверное, лишь прожив жизнь так, как прожил её он. Нам же, почитателям его таланта, дана скромная возможность прикоснуться к тайникам его души, внимательно изучая его творческое наследие, в которое он вложил неизмеримую любовь к людям.

Книга, которую Вы держите в руках, – не учебник истории, не научная монография или диссертация. Это – исторический роман, который даёт возможность совершить путешествие в прошлое, в старый и неповторимый Тифлис конца девятнадцатого – начала двадцатого столетий, шумный, пёстрый, трудолюбивый. Основой для создания данного произведения явилась историческая достоверность, переплетённая с художественным вымыслом, а некоторые интерпретации изложенных здесь фактов являются спорными в связи с противоречивостью и недостаточностью исторических сведений.

Приятного Вам чтения!

С уважением,

Валериан Маркаров.

Тбилиси. Грузия.

2018 г

Глава 1. Сказка о юном мечтателе

В некотором царстве, в некотором государстве... а точнее, в стране, называемой Грузией, что в девятнадцатом веке, в качестве губернии, входила в состав Российской империи, жил гордый и свободолюбивый народ, очень мудрый для такой очень маленькой страны. Каждый край её не похож на соседний, а её жители – грузины – отличаются друг от друга не только своим бытом и традициями, порой они даже общаются на разных языках и наречиях. Поговаривают, те, что живут на западе: имеретинцы, мегрелы, гурийцы, сваны, аджарцы и другие – более бойкие, восточные же – карталинцы и кахетинцы – трудолюбивее.

На востоке этой гостеприимной страны – в Кахетии – благословенном Господом саду Кавказа с его янтарными виноградниками, в селе Мирзаани жила-была семья Пиросманашвили. Дом Аслана, главы семейства, и его жены Текле, стоял на самом краю села, рядом со старым тутовым деревом, а неподалёку находился виноградник семьи. А ещё дальше, на заросшем лесном склоне, расположился участок земли, которым благодарное село наделило Аслана за отличие в бою, когда тот, с ловкостью джигита, отчаянно размахивал отточенным кинжалом, сражаясь с черноглазыми лезгинами, похитившими мирзаанских детей. Был он человеком сильным, настоящим кахетинцем. Работящим и умелым крестьянином.

Несмотря на то, что в 1861 году в России было отменено крепостное право, император Александр II считал нелёгкой задачей провести ту же реформу в самой Грузии. Это было невозможно без потери только что приобретённой лояльности грузинской знати, благосостояние которой зависело от крепостного труда. И всё же, спустя четыре года, Его Императорское Величество подписал указ об освобождении первых крепостных в Грузии, о чём и было громко объявлено во всех населённых пунктах, под шум духовых оркестров и бой барабанов, что гармонично сливались, вызывая вящее удовлетворение:

«Божией Милостью, Мы, Александр Второй, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая...

...Крепостное право на крестьян, водворённых в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется НАВСЕГДА...

...Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного...».

Теперь крестьяне стали свободными людьми и могли свободно передвигаться, вступать в брак по своему выбору и даже принимать участие в политической деятельности. Землевладельцы же сохранили право на всю свою землю, но только часть её оставалась в их полной собственности, а другую получили право арендовать или выкупать бывшие крепостные, веками жившие на ней, чтобы компенсировать потерю земли владельцам. За пользование землей были установлены следующие повинности: за виноградники, а также пахотные – крестьянин отдавал богачу четверть урожая, за сенокос – одну треть укоса.

Вот так и трудились крестьяне с утра и до поздней ночи. Мужик на полях траву косит, размахивая над ней лезвием кривой косы на длинном черенке. Целый день будет работать он на жаре. Скошенная трава подсыхает на солнце и постепенно превращается в сено. Мужик молит Бога о сухой и солнечной погоде. Ведь если идёт дождь, то трава прееет, плесневеет и гниет – ни на что она больше не годная! Сушить траву выходят целыми семьями, переворачивают её граблями и вилами. А когда она полностью высохла, из полученного сена крестьяне делают большой стог с длинным шестом посередине, который перевозят на свой двор, где также хранят телеги, колеса, сброу и другое небогатое своё имущество.

Самым главным работником крестьянского хозяйства была лошадь. Без неё земледельческий труд был просто немислим. Лошадь и поле помогала вспахать, и навоз для удобрения

почвы давала. Безлошадные крестьяне считались совсем бедняками. Пасли лошадей ночью, потому что днём ей некогда было пощипать травки: она всё время была с крестьянином в поле. У очень немногих была пара коров или буйволов, а кто-то владел несколькими свиньями или овцами. Скот держали на дворе, а в холодную пору маленьких телят, ягнят или поросят крестьяне забирали в дом, специально отгораживая для них часть помещения. Скотина давала много полезных продуктов. Из коровьего молока делали сметану, масло, творог и сыр. Овца давала шерсть два раза в год. Из неё вязали носки, делали грубую ткань. Куры и гуси обеспечивали семью яйцами и мясом.

Крестьянин заботливо ухаживал за скотиной, ежедневно готовил для неё в бадье специальное пойло – разваренную в печи кожуру овощей, оставшиеся от помола зерна мякину и отруби – оболочки зерен, перемешанные с некачественной мукой. Всё это надо было тщательно приготовить и подогреть. Да ещё и сеном надо было покормить! Как же без сена? Одна корова съедала его в день целый пуд², а на год надо было иметь триста пудов сена, а то и больше. Кроме того, каждая корова выпивала не одно ведро воды, и хозяйке ещё подоить её дважды в день положено, чтобы на зиму побольше сыра и масла заготовить.

Помимо работы на полях, кахетинцы трудились на своих виноградниках: каждый день и всем миром, вне зависимости от того, когда наступит пора сбора урожая. Крестьяне подвязывали лозу к опорным столбам и проволокам и обрывали лишние ветви, следили за тем, чтобы высота куста не превышала одного метра – так легче ухаживать за лозой, а открытые солнцу янтарные ягоды набирают больше сахара... Из них делают вино, из жмыха – чачу³, на сухой лозе жарят шашлык, а из виноградных косточек давят масло.

Тяжёлый быт делал судьбы многих семей похожими друг на друга. Из года в год жили они в одной и той же деревне, выполняли одни и те же работы и повинности. Построенная в деревне скромная церковь не поражала ни своими размерами, ни архитектурой, но делала это место центром всей округи. Ещё младенцем, нескольких дней от роду, каждый человек попадал под её своды во время собственных крестин и множество раз потом бывал здесь на протяжении своей непростой жизни. Сюда же привозили отошедшего в мир иной перед тем, как предать земле брэнное его тело. Церковь была почти единственным общественным зданием в округе. Священник же был, если не единственным, то одним из немногих грамотных людей. Как бы ни относились к нему прихожане, он считался официальным духовным отцом, к которому Закон Божий обязывал всех приходиться на исповедь.

Три главных события в жизни человеческой объединяли жителей села: рождение, бракосочетание и смерть. Именно на эти три части и были разделены записи в церковных метрических книгах. В тот период времени во многих семьях дети появлялись на свет чуть ли не каждый год. Рождение ребенка воспринималось как воля Господня, противиться которой мало кому приходило в голову. Больше детей – значит больше работников в семье, а отсюда и больше достаток. Исходя из этого, предпочтительнее было появление мальчиков. Девочку растишь – растишь, а она в чужую семью уходит. Но и это, в конце концов, не беда: невесты из других дворов заменяли рабочие руки выданных на сторону дочерей. Рождение ребенка всегда было праздником в семье, поэтому-то и освещалось оно одним из главных христианских таинств – крещением. Родители, вместе с крёстными отцом и матерью, несли ребенка в церковь. Священник монотонно читал молитву, после этого погружал младенца в купель с тёплой водой, надевал нательный крестик, как правило, деревянный, на простой бечёвке. А воротившись домой, устраивали крестины – накрывали стол и созывали на торжество большую родню.

² Пуд – устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 года один пуд равен 16,38 кг.

³ Чача (груз.) – грузинский крепкий спиртной напиток из отжимки.

* * *

Предположительно, в 1862 году у работяги Аслана Пиросманашвили и его жены Текле родился ребёнок. Сельский священник, задержав на мальчике дольше обычного свой внимательный взгляд, отчего-то устремил его в даль и замолчал. Словно ему было видение, что жизнь этого дитя будет иметь свой особенный смысл. И цель. И высшее предопределение. Потом, раскрыв святки, с необычайной торжественностью провозгласил, что в честь Святителя Николая Чудотворца нарекает новорождённого Николаем, или, говоря по-простому, Нико: «Крещается раб Божий Николай во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь», – и после каждого «аминь» окроплял мальчика святой водой...

...Ребёнок рос мечтателем и фантазёром. В возрасте пяти лет, бывало, мать просила его отцу в поле обед отнести, а он по дороге задумается, зайдёт не туда, а отец голодным останется. Или, позабыв обо всём на свете, запрокинет голову и наблюдает за перелетающими с ветки на ветку птицами, прислушиваясь к тихому умиротворению живой природы.

Однажды, когда началась пора сбора винограда и всё село собралось вместе – каждая пара рук была не лишней – мальчик улёгся под куст и стал мечтать:

– Эх, вот было бы хорошо, если бы каждая лоза была размером вон с тот тополь. Тогда бы соком от трёх её гроздей можно было бы наполнить большой квеври.

Вот так и сегодня, до самого заката мальчуган был погружён в свои наивные детские мечты. А придя домой, увидел мать, которая вышла подоить корову. Та упрекнула сына:

– Ты, сынок, хотя-бы делом каким-то занялся. А то поработал месяц подпаском и загрустил. Что толку-то от твоих воздушных замков? Смотри, даже детишки не тратят время впустую, как могут родителям своим подсобляют. Мечта – не молоко, из неё ни масла не собьёшь, ни сыру не сделаешь. Глянь по сторонам, повсюду люди работают. Им мечтать некогда!

Мальчик не поверил матери.

– Почему? – с удивлением спросил он. – Что плохого в том, чтобы мечтать?

– Это мешает работе, сынок, и делает человека бедным и несчастным. Потому мы, взрослые, уже и забыли, когда мечтали-то последний раз...

– Разве такое возможно, чтобы взрослые не мечтали? Этого не может быть! Вот старый дед, когда сажал этот виноградник своими натруженными руками, разве не мечтал он, как будет детей и внуков сладким виноградом угощать?

Ноги сами привели мальчика на другой конец села. Стало ему интересно, неужели только дети мечтают? Может ли быть, что единственным полезным занятием в жизни является работа, а мечтать просто вредно?

– Гамарджоба ар ици, бичо?!⁴ – по дороге шёл крестьянин, согнувшись в три погибели под грузом большой бочки на спине.

– Гамарджоба, Абесалом-бидзия! – вежливо поздоровался задумчивый мальчик. И тут же, воспользовавшись случаем, спросил бедняка:

– О чём ты мечтаешь?

– О чём мне мечтать, швило?⁵ – вздохнул тот и вытер рукавом морщинистое лицо, по которому текли ручьи пота, берущие своё начало из-под кахетинской вязаной шапки, что грела зимой и охлаждала летом. – Мечтаю вот, чтобы путь мой был покороче, а бочка эта проклятая – полегче. А большего мне и не надо. – и пошел дальше, кряхтя под грузом тяжкой своей участи.

⁴ Смысловой пер. с груз. языка, означающий «Здороваться надо, молодой человек»

⁵ В Грузии обращение к ребёнку, буквально означающее «сынок» или «доченька».

Идёт Нико дальше и видит, как, расположившись на траве, под старым орешником, пируют три князя в длинных до колен чёрных чохах⁶, из-под которых виднелись шёлковые ахалухи⁷. Приблизился он к ним, снял шапку и низко поклонился:

– Почтенные князья. О чём вы мечтаете?

Рассмеялись они добродушно над его вопросом. Один из них, крайний справа, поднял наполненный до самых краёв красным вином буйволиный рог и произнёс:

– О чём мечтаю, спрашиваешь? Хм, – он погладил свои усы и закатил глаза, – желаю я, видишь ли, добыть на охоте благородного оленя, и чтобы все жители нашего села сказали:

«Вай! Какой молодец наш князь! Какого красавца оленя добыл! Честь ему и хвала!». Вот сейчас допью это доброе вино, встану, положу в газыри⁸ патроны и велю слуге моё большое ружьё из мехового чехла вынуть и принести...

– Да что там олень? – вмешался второй князь, что сидел в середине. – Вот я, малец, мечтаю, чтобы в наших краях, как в старину, появился могучий лев, и чтоб я его победил! И чтоб все воскликнули: «Вай! Какой храбрец наш дорогой князь! Какой смельчак! В одиночку такого зверя одолел!». Вот отдохну, возьму свой острый кинжал и пойду этого льва искать!

– А я, – бахвалился третий, – мечтаю красавицу Тину в жёны взять! Чтобы все жители нашего края возгласили: «Вай-вай-вай! Молодец наш князь-джан! Такую красивую молодую жену в дом привёл!». Вот сейчас допью этот кувшин, облачусь в белую чоху, вышитую золотыми и шёлковыми нитками, возьму музыкантов вместе с их доли, пандури и саламури, и пойду к ней свататься!

– А не откажет? – спросил первый князь.

– Почему это она должна отказать? Она дура, что ли? Пусть посмотрит на меня – красивый, высокий, богатый! Дом есть, слуги есть, земля есть! Сабля есть! Что женщине ещё нужно? Побежит как миленькая, ещё умолять будет! – хвастал тот, даже не заметив, как мальчик отвернулся и пошел от них прочь своей дорогой.

Весь день Нико бродил по селу и его окрестностям. Всех встречных и поперечных спрашивал, а те не гнали его, отвечая на его вопрос – кто с улыбкой, а кто серьёзно. Рыбак поведал:

– Мечтаю поймать самую большую рыбу, чтобы за деньги, что за неё выручу, смог и крышу в доме дырявую залатать, жене новое платье сделать, и детям гостинцев купить. Да ещё чтоб на рубаху осталось...

Дворник у княжеского имения мечтал, чтобы всегда были только весна и лето, объяснив при этом, что осенью листья спадают с деревьев и подметай–не подметай, всё толку нет, руки от работы отваливаются...

Встретил наш Нико и мальчика на худющем ослике, навьюченном огромными бидонами с водой. Тот предложил подвезти его, но Нико отказался. Ему показалось, что бедное животное взмолилось:

– Если бы ты знал, малец, как я мечтаю, чтобы мой хозяин поскорее вырос и пересел на коня... вот тогда я бы, наверное, смог передохнуть немного...

Проходя мимо поля, заметил Нико двух бедняков, которые, устав от полевых работ, лежали на мягкой травке и вели разговор о том – о сём. Подойдя к ним со спины и спрятавшись за одно из редких деревьев, стал он свидетелем такого разговора. Один из бедняков, окинув взглядом поле, говорит другому:

– Эх, было бы это поле моим, а не нашего жадного князя, развёл бы я на нём ослов!

⁶ Традиционная верхняя мужская одежда некоторых народов Кавказа, сшитая из сукна, напоминающая черкеску, но с широкими рукавами до локтя и со стоячим воротником.

⁷ Верхняя мужская одежда, опоясывалась узким ремненным поясом с серебряной чеканкой.

⁸ Специальные нагрудные кармашки, перехваченные тесьмой, в которых горцы носили порох и патроны, чтобы в любой момент перезарядить оружие. Парадные газыри иногда изготавливали из серебра, и они служили украшением наряда.

– Зачем тебе эти упрямые животные? Нашёл кого разводить! Вот я бы хотел иметь столько овец, сколько на небе звёзд! – размечтался другой.

– Бичо⁹, где же ты такую тьму овец пасти будешь? На моём, что ли, поле? Моих ослов без травы оставишь? – озадаченно спросил первый.

– Выходит, твоим ослам надо пастись, а моим овцам – нет? – обиделся второй.

– Не позволю тебе пасти овец на моём поле! – закричал первый.

– Не позволишь? – силой сгоню и тебя, и твоих ослов!

Слово за слово – разгорелся между ними спор. Пошли в ход кулаки, колотят друг друга нещадно. Пожалел их Нико, вышел из-за дерева и подошёл к ним:

– Уважаемые. Что вы не поделили?

Рассказали приятели, из-за чего заспорили. Пусть, мол, ребёнок их рассудит. А Нико им говорит:

– Зачем же драться? Поле, ослы и овцы – это ведь только мечта!

Молодые люди переглянулись. Казалось, им стало неловко от того, что мальчик учит их уму-разуму...

А тот пошёл себе дальше.

Подойдя к реке, увидел он, как скандалят две старухи, Циури и Маквала. Одна жила по одну сторону реки, другая – по другую. Об их сварливом нраве давно шла молва. Не успеет взойти солнышко, а они уже тут как тут, стоят на берегу реки и спорят, бранятся до самого вечера. И никто не знает, чего это они ссорятся да шумят, чего никак не поделят.

– Ах ты, ведьма проклятая! Не спущу тебе ни одного слова! – кричит одна.

– Гляньте-ка на эту... на эту дочку осла, на осле сидевшую, осла погонявшую! – раскричалась в ответ вторая. – погоди, доберусь сейчас до тебя, за волосы отгаскаю! – и, подобрав подол платья, почти ступила ногой в реку. Речка неглубокая, а камни в ней мшистые и скользкие. Доковыляла сварливая до середины, поскользнулась и плюхнулась в воду с испуганным возгласом: «Вай ме!»

Мальчик наш пожалел старушку, бросился к ней на помощь, подхватил под руку, вывел на берег и усадил на сухой камень. А потом своими ручонками поправил старухе сбившиеся волосы, и повязал на голову сползший платок.

Старуха сначала молчала, а потом со слезами взглянула на своего маленького спасителя и горько заплакала. Стыдно ей стало перед ним.

– Циури, ну будь ты человеком! – попросила она соперницу. – Я ведь об одном тебя прошу – чтоб собаки твои не лаяли день и ночь напролёт! Спасу от них нет! Голова раскалывается!

А Нико, услышав это, подумал, что, как видно, и у дряхлых старух может быть мечта. Неужели его односельчане теперь, наконец-то, смогут обрести покой, когда угомонятся?

А потом, спустя некоторое время, заметил он прекрасную девочку и ситцевом платьице с жёлтой шляпой на голове. Та стояла на зелёной лужайке, и весело играла с красным воздушным шариком.

– А ты кто? – кокетливо спросила она, спрятав шарик за спиной и с любопытством разглядывая мальчика. – Как тебя зовут?

– Нико, – застенчиво ответил он и покраснел. – А тебя?

– Я Иамзэ, – звонко сказала та и засмеялась так задорно, что стала похожей на маленькое солнышко.

– А что это у тебя там? – Нико указал пальцем на воздушный шарик. Он никогда раньше не видел такой диковинки на шёлковой ниточке.

– Это шарик. Он умеет летать. Я взяла его на время у хозяйской дочки, она только из Тифлиса приехала. – с этими словами чудесная девочка с лёгкостью подбросила шар над голо-

⁹ Груз. обращение, означающее «молодой человек», «парень».

вой и его отнесло ветерком в сторону. Она побежала за ним вдогонку, а Нико следил за происходящим, широко раскрыв глаза от удивления.

– А почему это ты такой рассеянный, а? – на широком личике этой прелестной девочки вновь появилась улыбка, и мальчик смутился. – Молчишь? Язык проглотил, что ли? Или мечтаешь?

– С чего это ты взяла, что я мечтаю? – спросил он, не зная, что ответить.

– Да это видно за версту! Ходишь себе с поднятой головой, ворон крикливых считаешь, хи-хи...

– А ты... ты умеешь мечтать? – робко поинтересовался он.

– Умею... а что?

– А о чём?

– Не скажу. Я ведь пока тебя не знаю. А ты... ты, если хочешь, мечтай. Мечта – это хорошо! Она – ну вот как этот воздушный шарик... Когда он есть, ты к нему привыкаешь и перестаёшь замечать. Он кажется ненужной игрушкой. Совсем бесполезной. А когда он умрёт...

– Кто это умрёт? – перебил её Нико. Теперь он уже совершенно ничего не понимал.

– Шарик... Я знаю... У меня уже так было однажды... Он когда-нибудь обязательно лопнет. Вот нарвётся на колючку и лопнет. Или улетит ввысь, к небесам, если отпустить ниточку. Вот тогда понимаешь, как тебе его не хватает... – её личико вдруг стало таким печальным, что Нико стало по-настоящему жаль её.

– А где ты живешь, мальчик Нико? – вдруг спросила она с живым интересом. – И что делаешь?

– Живу там, – он махнул рукой, указывая на край села. – А ещё помогаю родным, работаю подпаском. Вместе с чабаном гоняю княжеских овец, чтобы стадо не разбредалось по долине, и не терялось на горных склонах... чтобы овцы волку в зубы не попались. А ты?

– Я пока не работаю. Но скоро, как закончится ртвели, буду помогать маме делать пеламуши¹⁰ и чурчхелы¹¹.

– А где сейчас твои родители?

– Отца у меня нет, а мама трудится в барской усадьбе... Ладно, мальчик Нико. Мне надо домой. Приходи ещё! – она нежно помахала ему своей ручкой и весело побежала к покосившемуся набок деревянному дому.

Он, провожая взглядом маленькую Иамзэ, вдруг вспомнил, что бродит уже целый день, а дома, должно быть, мама волнуется...

Матушка действительно стояла у калитки, дожидаясь сына.

– Куда же ты пропал, мечтатель мой неисправимый!

Он бросился матери на шею, рассказал, что узнал и увидел за день, мол, у каждого в нашем селе есть мечта. И у детей, и у взрослых, и даже у худюшего, но очень выносливого ослика...

– А ты у меня спроси, сынок, о чём я мечтаю... – она ласково глянула на Нико.

– О чём, дэдиго¹²?

– Я мечтаю о том, чтобы ты вырос и стал хорошим, уважаемым человеком. Чтоб семья у тебя была большая и дружная...

– А что я должен делать, дэда, чтобы меня уважали?

– Не отлынивай от работы. Уважай старших и помогай им всегда...

¹⁰ Густой охлаждённый кисель из виноградного сока и кукурузной муки.

¹¹ Для приготовления чурчхелы поломанные грецкие орехи надеваются на толстую нитку, окунают в горячий пеламуши, а потом охлаждают.

¹² груз. ласковое обращение к матери: «мамочка».

В тот вечер Нико долго стоял у калитки и глядел вверх, в звёздное небо. Солнце давно зашло, унеся с собой яркие краски. А возле реки появился туман, который неторопливо начал застилать всё вокруг.

Он вдруг предался воспоминаниям, вспомнил о монастыре Святой Нино в Бодбе, что находится недалеко от Мирзаани, и куда он, маленький Нико, пройдя пешком через лес, недавно наведаясь, не спросив разрешения у матери. Красота тех мест поразила его. Цветники, ухоженные лужайки, церковные постройки, подсобное хозяйство, виноградники, целебный источник. Но самое главное – он узнал, что здесь покоились останки Святой Нино – просветительницы Грузии. Старый монах-отшельник, заметив интерес мальчика, поведал ему о жизни Святой из Каппадокии¹³. Он рассказал, что главной целью, которую возложила на Святую сама Богородица, было просвещение Иверии¹⁴, потому что Иверия – это первый удел Божией Матери¹⁵. Господь являлся Святой Нино в видениях и благословил её на подвиг, а Дева Мария вручила ей крест из виноградной лозы. Так она и попала в Бодбе, где на вершине горы разбила палатку и поселилась в ней, неся свою веру человечеству и помогая людям, излечивая их от различных недугов. Среди спасённых ею была и царица Нана, которая уверовала вместе со своим мужем Мирианом, а вскоре и весь грузинский народ принял христианство в реке Арагви у Мцхеты. Когда Святая умерла, царь Мириан повелел перевезти её мощи в древнюю столицу Грузии – Мцхету. Пара волов и двести человек не смогли сдвинуть с места карету с её телом. Тогда царь приказал захоронить её на том месте, где стояла её палатка, а уже перед своей смертью наказал жене, чтобы она половину казны отдала на возведение храма над могилой Святой. В семнадцатом веке кахетинский царь Теймураз I открыл в монастыре духовную семинарию с самым большим в стране собранием религиозных книг и школу живописи.

В мрачном храме царило умиротворяющее спокойствие. Но вот дрожащий огонёк лампы вырвал из темноты старинные фрески, и его охватило чувство, близкое к священному трепету. Он любовался завораживающими бликами света на настенных изображениях, не умея ещё разбираться в сюжетах, и поэтому не столько восхищаясь их красотой, сколько благоговей перед их древностью. Видимо, именно они и разбудят в нём художника...

Той ночью он спал, свернувшись в клубочек, и на его губах блуждала слабая мечтательная улыбка. О чём он думал? О прелестной Иамзе, что повстречалась ему сегодня и улыбкой своей покорила его маленькое сердце? Или о том, кем он станет, когда вырастет?

Ему приснилось, что слышит он за окном удивительный топот коня. Такой громкий, какой не слышал никогда. Выйдя из дома, он видит всадника в серебряных доспехах и голубой мантии, с золотым копьём в руке, сидящего на могучем серебряном коне. Он пугается и начинает молиться. А всадник говорит ему:

– Подойди ко мне, сынок! Не бойся. Ты знаешь, кто я?

– Нет. – Нико испуганно мотает головой.

– Я Святой Гиоргий – небесный покровитель Грузии. Ты слышал обо мне?

Конечно, Нико слышал об этом святом. И видел его образ, умерщвляющий дракона. А старый монах-отшельник в монастыре Бодбе упоминал его как двоюродного брата Святой Нино, совершавшего свои победы над злом и грехом. Из уст Святой народы Грузии впервые узнали о жизни и мученичестве её великого брата.

– Да, мне говорили, что вы – покровитель воинов, земледельцев, пастухов и путников. Вам молятся об избавлении от злых сил...

¹³ Местность на востоке Малой Азии на терр. совр. Турции.

¹⁴ Иберия, или Иверия – древнее царство на терр. исторической Грузии (с 3 в. до н.э по перв. пол. 6 века н.э.), упоминаемое античными, армянскими и византийскими авторами.

¹⁵ В православии земля, которая находится под особенным покровительством Божией Матери.

– Молодец, Нико... Господь не обделил тебя разумом! Наблюдал я за тобой сегодня, сынок. Видел, как ты старухе немощной помог, как спор двух приятелей разрешил. Доброе у тебя сердце. И пытливый ум. Ты вот ходил и выпрашивал у людей, о чём они, бедолаги, мечтают. И во всём селе не нашлось ни одного человека – ни старого, ни малого, кто бы в ответ поинтересовался о твоей мечте. Вот и решил я восстановить справедливость. Скажи мне, не бойся, какая у ТЕБЯ мечта?

– Больше всего на свете я мечтаю научиться рисовать, чтобы все мои фантазии перенести на картины, и чтобы люди в селе уважали меня, говорили, любуясь: «Вай, какой талантливый художник наш Нико!»

– Так и быть, сынок! Я дам тебе то, что ты способен будешь взять. Но смотри, то, что дам – не расплескай! Быть тебе большим художником. Но путь твой будет тернист. Не головой будешь жить, а сердцем. Так все грузины должны жить, чтобы Бога вмещать. А в голове... в ней живут одни лишь сомненья...

Нико слушал Святого насторожённо, храня молчание и глядя на него с испуганными глазами.

– Ты будешь слышать шёпот ветерка, эхо, доносящееся с высоких заснеженных гор, гул старых колоколов. Они будут твердить тебе: «Помни, ты избранный!» Ты будешь жить, чтобы служить добру, любви и красоте. И примешь муки за это. Но смотри, не дрогни, не уклоняйся от своей судьбы. Так ты достигнешь бессмертия и утвердишься в Царстве Небесном.

А картины... картины, которые ты будешь продавать за гроши, когда-нибудь станут бесценны. Но это не важно. Главное, будь хорошим человеком – всё, что делаешь, делай по совести. Не забывай, всё временно, всё бренно. Будешь земным – в прах превратишься, а будешь жить для вечности – тогда станешь как тот гордый орёл, что высоко летает над земной суетой...

И помни имя своё. Ты – Нико Пиросмани. Ты избранный. Иди к Богу и возлюби Его так, как Он возлюбил тебя.

Глава 2. Слеза виноградной лозы

Нико сладко спал в своей кровати, а в ушах тихо звучала мелодия колыбельной «Иавнана», которую мать, всё ещё считая его младенцем, пела каждый вечер перед сном своим завораживающим грустным голосом:

«Иавнана, Вардо Нана, Иавнанинао,
Даидзине, генацвале, иавнанинао»...¹⁶

Но его сонливое умиротворение и покой были потревожены шумом, доносившимся через окно. Только светало. Это были властные пронзительные звуки, издаваемые их старым горластым петухом по кличке Мамало, который без усталости кукарекал на всю округу, бессовестно разрушая благоговейную тишину своими хриплыми криками. Вслед за ним последовал лай соседских собак, а издали протяжно замычала голодная корова. Нико был уверен, что она голодная, потому что, вдоволь наевшись травы или сена, корова не мычит. Это отчаянное кукареканье давно досаждало и будоражило его детский разум. Он даже несколько побаивался этого петуха после того, как тот однажды клюнул его чуть пониже спины. Тогда отец пообещал, что сейчас же, одним движением руки, отсечёт голову этой злобной и драчливой птице. Но мать встала на порог и остановила его, сказав, что Мамало прекрасно выполняет свои обязанности по хозяйству, и, помимо всего, он смел и отважен, и получше любой кавказской овчарки сторожит дом. И безумный петух, ощущая опору в лице хозяйки дома, что поила его и кормила пшеном, подсолнухом и кукурузой, позволял себе кукарекать, когда ему вздумается, невзирая на ранние часы, отчаянно, до крови, дрался с соседскими петухами и нахраписто преследовал чужих кур. Они же, питая к нему нежные чувства, вовсе и не торопились бежать, а ласково ему кудахтали, будучи в абсолютной уверенности, что солнце всходит только потому, что поёт вояка Мамало. И вот сейчас этот, до сих пор не съеденный «вестник зари», глухо шлёпал своими крыльями и, очевидно, не считал себя кем-то иным, кроме как горным орлом, а может, и двуглавым, со всеми сопутствующими атрибутами власти – скипетром, державой и тремя коронами...

– Неважны наши дела, Текле, – послышался голос отца. – Плохо земля кормит. Уже и не знаю, что делать будем. Как семью содержать?

– Как-нибудь перебьёмся, Аслан, – успокаивала его мать, говоря тихо, чтобы не разбудить детей. Она пряла шерсть для чохи и изредка поглядывала на кипящий над огнём котел. – Если Бог дал нам детей, Он и поможет найти для них хлеб. Я вот вязать стану по ночам. Купим ещё шерсти у князя. Кахи, его работник, ведь овец стрижёт. Помою я её, прочешу и накручу нити...

– Да где тебе, Текле? Ты вон и так с утра до ночи горбатишься, посмотри, совсем на старуху похожа стала...

– Детей-то надо на ноги поднимать, Аслан...

– Мариам уже не ребёнок, выдать её надобно замуж...

– Да что ты говоришь, Аслан? Замуж! Кто её возьмёт, слабую здоровьем? Какая из неё жена и мать? И в приданое что дадим, ты подумал? Этот дырявый ковёр снимем со стены? – спрашивала Текле, качая головой, а тот только вздохнул в ответ:

– Ну, что за мужчины пошли, Текле, если они только за богатством гонятся? Главное ведь, чтобы молодые любили друг друга, остальное неважно. Хотя, к чему об этом сейчас толковать? – он обречённо махнул рукой.

– Дети и так помогают нам как могут – и Мариам, и Гиоргий, и Пепуца, и младшенький наш – Нико...

¹⁶ Кхетинская колыбельная. Пер. с груз. – «Я буду петь колыбельную для тебя. Спи малыш. Так сладко и спокойно будешь ты спать. На груди матери, в миллом доме...»

– Я заберу сегодня мальчугана с собой, Текле. А то бродит бесцельно по селу, думает о чём-то своём, журавлей в небе считает...

– Да, Аслан. Пусть подсобит тебе. Посмотри на свои руки. Пальцы не можешь разогнуть от мозолей и порезов...

– Крепкие гроздья уродились в этом году, руке не поддаются. Приходится срезать их ножиком.

– Хороший ты человек, Аслан. Вижу я, как спину гнёшь, из кожи вон лезешь, чтоб семью обеспечить... Всё своё умение проявляешь на винограднике. С каждым кустом разговариваешь, уговаривая его расти и плодоносить, ранней весной лозу гладишь, жалеешь её после сильных заморозков. Любишь ты своё дело, в нём ты не от мира сего, и отдаёшься ему без остатка...

– Вчера закончили сбор винограда, – перебил её муж. – Уложили богатый урожай в плетёные корзины, а затем потихоньку перенесли в княжеский марани. Места там уже свободного не осталось!

– Ну слава Богу и Святому Гиоргию! Услышали они наши молитвы, послали людям сухую погоду на ртвели¹⁷...

...В тот день Нико помогал отцу в винодельне, что стояла в большой усадьбе князя, недалеко от виноградников. Капитальное марани, построенное из камня, с орнаментом на наружных стенах и с красивым убранством внутри, хранило в себе не только вино. Здесь хватало места и для других фруктов и овощей, а также солений и других припасов на зиму. Внутри было тихо и прохладно. У стены находился сацнахели – чан-давальня, похожий на лодку-долблёнку из ствола большого дерева.

Наполнив сацнахели гроздьями винограда из кошёлочек, что занимали почти четверть всего марани, отец приказал сыну хорошо помыть ноги в тазу с водой, и влезть в чан, на груды винограда.

– Будем делать вино, сынок! – гордо объявил он. – Видишь, как блестят эти плоды? Они впитали в себя солнце виноградной лозы. Смотри и хорошенько запоминай! Потому как это дело передаётся от отца к сыну. Сначала будем давить виноград...

– Вместе с веточками и косточками, отец? – наивно спросил Нико.

– Да. Так надо. Так делал мой отец...

– Мой дед? А его кто научил?

– Его научил его отец, и его отца отец, и его дед, и прадед. От самого Адама...

– От какого Адама?

– Адам – это самый первый человек на земле. Все люди – его дети. Особенно грузины.

Вот скажи мне, ты кто?

– Я? Нико. Николай Пиросманашвили...

– Слушай, я знаю, что ты Нико. Я сам тебя так назвал. Я спрашиваю, кто ты, Нико?

Мальчик задумался на мгновение, а потом робко произнёс:

– Человек...

– Правильно. Ты адамиани.¹⁸ Значит – от Адама. Понял?

– Он тоже любил вино, отец? – простодушно спросил мальчик.

– Кто? Адам? А как же? Ещё как любил! Ты что, думаешь, Адам одни яблоки жевал?

Они вместе – отец большого семейства, этот безотказный работяга, берущийся за любое занятие, и его сын – в неторопливых беседах и шутках, давили ногами сочный и спелый виноград. Нико наблюдал за тем, как выжатый сок из давильни, вместе с перемолотой кожицей, косточками и веточками, попадает в зарытые в землю квеври. Какое это было весёлое и захватывающее занятие!

¹⁷ Праздник сбора урожая винограда в Грузии.

¹⁸ В пер. с груз. буквально означает «человек».

– Ты не бойся, сынок, сколько бы грязи ни попало в кевври, всё уйдет в осадок...

– Это уже вино, отец?

– Нет, швило, пока это просто сок. Он будет бродить под землёй до тех пор, пока не превратится в вино. Но его надо время от времени навещать, спрашивать у него, как оно поживает. Оно ведь живое – дышит под землёй, всё слышит и чувствует! Надо следить, когда мезга поднимется наверх и создаст на вине плотную «шапку». Тогда эту «шапку» надо разбить и всё хорошо перемешать, а то вино скиснет, станет уксусом. А вот когда мезга¹⁹ опустится на дно, это значит, вино нам говорит, что надо кевври плотно закупорить, чтобы внутрь воздух не попал. И оставить вино в покое до весны. Пускай спит себе мирно. А в марте его надо разбудить, и осторожно, чтобы не поднялся осадок, перелить в бутылки...

Мальчик внимательно его слушал.

– Вино у нас принято пить молодое, пока ему один-два года. Но можно и долго хранить. Ты вот когда родился, я на радости заложил маленький кевври. Выпьем из него благородного вина на твою свадьбу. Надеюсь, доживу до тех дней. Позовём всё село кутить. Накроем большой длинный стол, положим на него цыплят тапака²⁰, лобио, пхали, хачапури, сациви, соленья, спелые помидоры, киндзу и петрушку, шашлык, горячий шоти, и настоящий сацебели... И, конечно, вино! Ты ведь слышал легенду о рождении вина, Нико?

– Нет, отец, не слышал.

– Нет? Так я тебе расскажу сейчас. Каждый грузин должен знать её.

Были времена, когда люди ещё не умели готовить вина. Виноградные лозы росли в лесу, а ягоды клевали птицы. Один бедный грузинский крестьянин принес дикую лозу из лесу и посадил её перед домом. Лоза дала хороший урожай, и все с удовольствием лакомились виноградом. На следующий год крестьянин прибавил ещё десять лоз, на третий – сто и таким образом развёл целый виноградник.

Однажды осенью бедняк собрал урожай и выжал из него сок. Сладкий виноградный сок понравился всем. Не выливать же столько приятного нектара! Крестьянин разлил его по кувшинам и спрятал на зиму. Через два месяца решил он испробовать – у сока оказался приятный вкус. Удивился мужик: как неказистая лоза смогла дать такие удивительные плоды! Созвал он гостей – своим открытием похвастаться.

Первым пожаловал соловей. Выпил он стаканчик и воскликнул:

– Кто отведаст этого напитка – будет петь, как я!

За ним пожаловал петух. Выпил он стаканчик и провозгласил:

– Кто отведаст этого напитка, будет петушиться, как я!

Последней пожаловала жирная свинья. Она тоже выпила стаканчик и, хрюкая, объявила:

– Кто отведаст этого напитка, будет валяться в грязи, как я.

С той поры так и действует вино на человека. Когда человек пьёт немного вина, его речь, порой, можно слушать как соловьиные трели. Если выпьет чуть больше меры, – становится похож на нашего петуха Мамало, у него рождается иллюзия, словно может он преодолеть любое препятствие. Всё ему нипочём! Ну, а крайне опьянев, человек уподобляется грязной свинье, – нетрудно догадаться, почему.

– А ты говорил, отец, что ещё первый человек на земле, Адам, пил вино... Как же он тогда пил, если виноградник развёл один бедный грузинский крестьянин?

– Я сказал, что наверно пил... Кто же его знает, сынок, этого Адама? – недовольно ответил отец, но Нико его не слышал. Он молча о чём-то думал, а потом простодушно сказал:

– Наверно, ты настоящий винодел, отец! Всё у тебя так ладно получается...

¹⁹ Масса раздробленного винограда: кожица, мякоть, сок, семена.

²⁰ В Грузии блюдо называют «тапака» по названию сковороды («тапа») с крышкой, которой прижимают распластанного цыпленка.

– Какой же я винодел, сынок? Вот мой дед, Царство ему Небесное, был настоящим виноделом. Умел по вкусу, с завязанными глазами, определить не только сорт винограда, но и место, где он рос, назвать. И даже год, когда его собрали. А с помощью гибкого прутика лозы мог он питьевую воду под землей найти, всегда точно указывал, где надобно колодец рыть! Столько секретов знал, что лучшего винодела во всей Кахетии никогда и не было! Всегда говорил он, что «плохой человек никогда не делает хорошего вина». А я...я только за виноградниками ухаживаю и помогаю природе рожать вино! Природу ведь не обманешь, сынок, как простого человека. И землю нельзя! У настоящих виноделов любовь к земле заполняет их сердца и они готовы пожертвовать жизнью во имя нашей родины, благословенной Грузии. И ещё, ты запомни это, сынок, вино – не просто напиток. Это живое существо, со своей душой. Если виноградник гибнет от града, то это не меньшее несчастье в семье, чем смерть самого близкого тебе человека. Не будь вина, и самой Грузии не было бы. Оно хранит Грузию, даже вот христианство мы приняли с крестом из виноградной лозы. Нет в нашей стране ничего лучше, ничего правдивее и ничего старее вина. Оно бессмертно, оно вечно и в нём можно найти весь мир. Рог, наполненный им, поднимают не с целью выпить, а потому что это повод сказать людям то, что не скажешь в другое время. А народ наш грузинский всегда пил – и когда ему было хорошо, и когда он плакал. Потому что вино, дорогой мой сын, это и есть слеза. Слез виноградной лозы...

Глава 3. Старый Тифлис

Несмотря на то, что родители Нико трудились, не покладая рук, семья Пиросманашвили всё же жила впроголодь, перебиваясь жалкими крохами. Бывали дни, когда у них не было ничего, кроме хлеба с сыром. А когда и последнего не находилось, то пищей служили хлеб с луком или со слабым кисленьким вином, – хлебец мочили в вине и так ели. . .

Отец, обладая недюжинной силой и трудолюбием, перебивался случайными заработками. Мать и дети фактически батрачили, а сам Нико пас телят и овец. В жестоком сражении за жизнь, в борьбе против нужды и голода, семье пришлось покинуть родные места и перебраться в Шулавери, большое село в пятидесяти верстах к югу от Тифлиса. Здесь, в имении «Иверия», принадлежавшем богатому тифлисскому землевладельцу армянину Ахверду Калантарову, Аслан нанялся ухаживать за виноградниками.

Хозяйство в Шулавери вела жена господина Калантарова, престарелая и добрая душой Эпросине-ханум²¹, со своими многочисленными детьми – тремя дочерьми и троими сыновьями.

Хозяйка была щедра и платила исправно, и, казалось, жизнь семьи должна была налаживаться на новом месте. Но злосчастия всегда приходят не вовремя, нанося в спину свои нещадные удары. Внезапно и скоростижно умер старший сын Аслана и Текле, Георгий. Ему только исполнилось пятнадцать. Когда это случилось, Текле, вся в чёрном, билась в горьких рыданиях, низко опустив голову над мёртвым телом, всё ударяла себя в грудь и во всё горло кричала:

– Вай ме, швило! Ги-ор-гий!

Чуть не обезумела от великого горя.

Похоронив сына, она долго оставалась безутешной, ведь несчастье её было просто сокрушительным.

Спустя два года, поздней осенью 1870 года, умер отец. Расплатился таки смертью за свое неуёмное трудолюбие.

Вслед за ним ушла и мать. Она, высыхая от горя, скорби и тоски, уходила тихо и медленно. Казалось, после того как легли в эту землю её сын и муж, ей не хотелось больше по ней ходить. Сначала она прекратила петь сыну перед сном колыбельную «Иавнана», потом перестала ждать его у калитки, а только всё больше лежала в доме, до тех пор, пока навсегда не исчезла из виду.

Самая старшая из детей, Мариам, к тому времени вышла замуж за какого-то заезжего землемера по имени Алекси и уехала в соседнюю с Мирзаани деревню Озаани. Там она родилась дочерью, но, будучи от рождения слабой здоровьем, внезапно захворала, а вскоре уснула, чтобы больше никогда не проснуться. Покинула этот мир, сошла в сырую могилу, и воссоединилась на том свете с родителями и братом.

Была семья и уже нет её! Вот так, от большого и дружного семейства Аслана Пиросманашвили из шести человек остались только две круглые сироты – сестра и брат – Пепуца и Нико.

Чтобы решить судьбу детей, из Мирзаани приехали родственники. Сели посудачить, выпили по чарочке доброго вина, погоревали и решили, что Пепуца вернётся в родной дом в Мирзаани, где, под присмотром родни, будет заниматься хозяйством. Нико же останется в Шулавери, в имении «важных господ» Калантаровых, у которых ребёнку будет и тепло, и сытно.

– Оставайся здесь, Никала. Тебе ведь хорошо у нас? – пожилая Эпросинэ-ханум, обняв мальчика, ласково посмотрела на него своими внимательными и сострадательными глазами.

²¹ (Восточн. яз.) – Госпожа, дама. Слово «ханум» придаёт женскому имени оттенок уважения.

Для каждого жило в ней доброе слово, а её мягкий покладистый характер делал её другом для любого, кто только желал этого.

– Ты не отчаивайся, швило-джан²²! Милосердный Святой Гиоргий привел тебя к друзьям, которые будут любить тебя и постараются заменить тебе утраченное. Вот и матушка твоя бедная, Текле, да упокой Господь её душу, предчувствуя близкую кончину, просила меня позаботиться о тебе, чтобы мы стали тебе семьёй... Так и сказала, мол, поручаю моего Никалу прежде всего Богу, а потом вам, Эпросинэ-ханум. Что тебе подарить, сынок, чтобы ты позабавился?

– Я хочу рисовать, Эпросинэ-ханум, – сказал он, и слезы навернулись на его глаза.

– Не называй меня «ханум», Никала. Говори просто «бабушка». И не плачь, ты ведь мужчина! Шени чири ме!²³ Привезём тебе из Тифлиса красок и бумаги, рисуй, сколько душе угодно!

На том и порешили. Добрая женщина оставила мальчика у себя и заботилась о нём как о родном человеке.

Бывало, по вечерам Эпросинэ-ханум садилась за старинный карточный стол со своей взрослой дочерью, и они с азартом и без плутовства играли в какую-то странную игру. Увлеченные, они с такой прытью и возбуждением кидали кости, выкрикивали непонятные слова: «чари-ек», «шешу-беш», «чару-ду», «дубара», «беш-дорт», и так грозно стучали фишками по деревянной, богато инкрустированной поверхности, что мальчику становилось жаль эту несчастную доску, что стойко выдерживала подобные удары. Судя по всему, дочь постоянно была в проигрыше, поскольку, обсуждая вслух каждый свой ход, досадовала, что не так он был сыгран. Женщины спорили и громко бранились, пока случайно Эпросинэ-ханум не заметила Нико, тихо стоявшего уже долгое время за её спиной.

– Поди сюда, сынок! – мягко сказала она, завидев его любопытство. – Чего смотришь? Тебе интересно? Я научу тебя играть, если хочешь... Игра эта старинная называется «нарды», и досталась она мне от любимой бабушки Нектаринэ. Великим была она знатоком в этом деле! С любым мужчиной могла сразиться, и не помню, чтобы она кому-нибудь проиграла, даже самому достойному противнику. Вот, смотри, это «зари» – игральные кости, – она стала показывать ему белые кубики из слоновой кости с чёрными точками на них и объяснять правила. Мол, цель игры – бросать кости и передвигать камни в соответствии с выпавшими очками, пройти ими полный круг по доске, зайти в свой «дом» и, наконец, выбросить их за доску раньше, чем это сделает противник...

– А что это за слова, бабушка, которые вы произносите криком? – заинтересованно спросил мальчик.

– Это цифры, Никала. Здесь смешались разные языки – индийский, персидский, турецкий...

– А почему же нельзя говорить на понятном языке: «один-пять», «четыре-три»?

– Э-э-э, швило, так не пойдёт! Это было бы недостойно, неуважительно по отношению к этой древней игре... Да не тычь ты пальцем, считая ячейки, которые прошёл «камень». Смотри как делаю я. – и она, театрально изобразив на добром своём лице орлиный взгляд, охватила им всё поле и мгновенно перебросила «камень» на нужное место. – И не думай, что соперник не следит за правильностью твоих ходов, как бы быстро ты их ни делал. Ещё как следит!

Эх, хорошо ему жилось в этом милом доме в Шулавери, где он впервые услышал от домочадцев армянскую и русскую речь. Здесь, с утра и до вечера, его окружали уют и тепло. А когда приходила ночь, ему непременно снилась Кахетия, благодатный край Грузии – живописные горы, суровые древние монастыри и царство бесконечных виноградников, в котором к осени с вьющегося винограда уже тяжело свисали налитые гроздья, на рассвете покрытые росой, как

²² Джан (арм. яз.) – независимо от обращения (к мужчине или к женщине), употребляется в значении «дорогой», «милый».

²³ Выражение «шени чири ме» в смысловом переводе с груз. означает «возьму твою боль»...

слезинками, и готовые утолить и опьянить своим соком жаждущего. Под солнцем их лиловые ягоды становились настолько прозрачными, что сквозь тонкую их кожу просматривались твёрдые косточки.

Ему снилось родное село Мирзаани, что раскинулось на холме прямо над Алазанской долиной, с бескрайними своими полями и пасущимися на них отарами овец, деревенский двор, их крикливый петух Мамало и рябая курица с пушистыми цыплятами. Грезилась исхудавшая мать, стоявшая у калитки в ожидании сына. И та девочка в жёлтой шляпе – Иамзэ – с весёлым воздушным шариком в руках, что так приглянулась его душе...

* * *

Спустя пару лет один из сыновей Эпросинэ-ханум, Гиоргий, увозил мальчика в Тифлис: – Пусть Никала поживёт в столице, матушка. В Тифлисе ему будет поинтереснее. Хоть свет повидает! Хватит ему сидеть тут, в этой глуши... оглохнет здесь вконец от ваших нардов, зачахнет...

И вот, спустя всего несколько дней, мальчика, привыкшего к деревне, и не видевшего в своей короткой жизни ничего, кроме крестьянского быта, усадили в восьмиместный дилижанс на конной тяге, куда вместе с ним уложили его небогатый скарб, и он, в сопровождении дяди Гиоргия, тронулся в путь.

Всю дорогу он смотрел в окно и с сожалением наблюдал за тем, как мало-помалу менялся ландшафт, как стали исчезать поля и становиться безжизненными холмы. Добродушный Гиоргий, заметив испуганность мальчика, старался веселить его на протяжении всего путешествия. Они проехали сады Крцаниси и Ортачала, затем миновали кривые домики в Харпухи и серные бани, чьи купола торчали прямо из земли и источали густой пар и такой странно-удушливый запах, что Нико, чтобы защититься от него, пришлось зажмуриться и закрыть нос и рот обеими руками.

– Смотри, Никала, это Метехская крепость. – рука дяди указывала направо. Там, на высокой скале над Курой, возвышалось здание, окружённое какими-то постройками. – Сейчас это царская тюрьма, – прошептал он, наклонившись к уху мальчика. – А площадь эта есть татарский Мейдан. Самое «сердце» нашего Тифлиса.

Взгляд мальчика уловил разгорячённые и лукавые глаза купцов и торговцев, в подвижной выразительности следивших за своим товаром и жадно выискивавших новых муштары на этой небольшой площади, сжатой со всех сторон кривыми и косыми «карточными» домиками.

Их дилижанс двинулся в сторону Армянского базара, вечно шумного и деятельного. Эта улица начиналась с самого Мейдана и шла вверх, заканчиваясь на Эриванской площади. Они проезжали мимо развалин, на которых всеокрушающее время нарисовало узоры глубоких трещин, и мимо домов новой архитектуры с прекрасной лепниной в причудливом восточном вкусе. В одном месте путь им преградило множество арб, ведомых нерасторопными, вечно жующими буйволами, а затем – караван из нескольких десятков диковинных животных. Дядя Гиоргий пояснил, что это верблюды. Они, мерно покачиваясь и гремя бесчисленным множеством бубенчиков, несли на своих горбах пёстрые ковры Персии и богатые шали Индии.

Наконец, дорога освободилась. Возничий стегнул лошадей и дилижанс со скрипом тронулся с места. Пробираясь взглядом по этим улицам и закоулкам, Нико на каждом шагу встречал ремесленников, работающих не в мастерских, а под открытым небом, на солнце, раскаляющем своими прожигающими насквозь лучами груды камней, сложенных в дома и сакли. Всё самое лучшее, что производил Восток, всё это было собрано здесь, на этой улице, деловитыми армянами: различных оттенков сукно, кожаные ремни, косматые чёрные бурки, оружие горцев. И персидские узорные ковры, шёлковые ткани и расписной фарфор из самого Китая...

– Устал, сынок? – голос дяди Гиоргия отвлек Нико от путаных мыслей. – И проголодался, должно быть? Потерпи немного... и скоро увидишь свой новый дом. Вот приедем, сядем за стол и поедем горячую чихиртму²⁴ с курицей и горячим лавашом... Ты ведь любишь хорошую чихиртму?

Нико утвердительно кивнул. Действительно, он впервые испробовал этот густой суп в имении Калантаровых, и он ему очень нравился. Особенно, когда его мастерски готовила сама Эпросинэ-ханум.

Недавно отстроенный двухэтажный родовой дом Калантаровых располагался в Сололаки, на Садовой улице²⁵. Здесь многие дома застроены богачами. Все они каменными, в стиле ампир, с грифонами и купидонами на фасадах, с аккуратными железными балкончиками, и с нарядными, порой, помпезными, подъездами, где на столбах, рядом с лестницей, установлены фонари, которые торжественно освещают всю парадную с её лепниной и пилястрами. Это было типично тифлисское жилище: гостеприимно распахнутое, щедрое и шумное. Здесь, в этом дворянском гнезде, поселилось большое и дружное семейство: три брата – Гиоргий, которого, как потом узнал Нико, в Тифлисе звали на русский манер Егором, Мелик и Калантар. Первые двое были крупными предпринимателями, владели конным заводом в Шулавери, маслобойнями. А Калантар был владельцем большого караван-сарая. Хозяйством в доме управляли в основном женщины – в нём часто рождались дети, и маленький Нико рос вместе с ними на правах родственника и понемногу постигал основы тифлисских дворовых игр.

– Разве ты не умеешь играть в «авчалури», Никала? Все дети знают эту игру!

– Нет, не умею, – ответил мальчик. – Зато я умею играть в нарды.

– Смотри, – говорил один из домочадцев, озороватый Михо, – видишь мешочек?

– Ну, вижу, и что?

– Этот сделан из старого маминоного чулка. А иногда – из наших порванных носок. Внутрь зашивают горсть сухого красного лобио или кукурузных зерен. Или гороха.

– Потому от него такой шум?

– Да. Подбрасываешь его вверх, ударяешь снизу ботинком – сначала правым, потом – левым. А ребята пусть считают, сколько раз он взлетит, да так, чтобы земли не касаться. Выигрывает тот, кто сделает это большее число раз...

Было видно, что Михо, да и другие мальчики в доме Калантаровых, были виртуозами в этой забаве, умудряясь подбрасывать «авчалури» несколько десятков, а то и сотен раз, перебрасывая мешочек с ноги на ногу, поддавая его то носком ботинка, то пяткой, а то и вовсе лодыжкой. И Нико вскоре с досадой признал, что ему никогда не победить их в этом странном развлечении, которое он сразу же окрестил «летающим носком».

А ещё он научился играть в «кочи»²⁶, поначалу искренне удивляясь тому, что дети в Тифлисе деловито бросают в воздух эти причудливой формы бараньи косточки, покрытые лаком, шумливо выкрикивают непонятные слова: «алчу-кочи!» или «тохан – бабои похан!», и находят в этом озорстве большое удовольствие. Михо сообщил ему, что право первого хода получает тот, у кого эта косточка встанет на ребро:

– Это называется «алчу», Нико. Я вот сейчас выброшу свой кочи вперёд, а ты должен в него попасть своим кочи. Если не попадёшь, тогда придёт моя очередь целиться. И если я попаду, то получу в приз твой кочи. Понял?

В некоторые забавы можно было играть вместе с девочками. В жмурки, ловитки, семь камешков или «кучур – на место». А в паузах между играми они мимоходом злились печального

²⁴ Чихиртма́ (груз.) – грузинский густой суп, в который по ходу приготовления вводятся две заправки – мучная и яичная. Как правило, чихиртму готовят на бульоне из домашней птицы.

²⁵ Садовая ул. в Тифлисе впоследствии была переименована в Бебутовскую. В годы Советской власти стала называться ул. Энгельса. Теперь это ул. Асатиани.

²⁶ Кочи (груз.) – обработанная и очищенная от сухожилий косточка коленного сустава барана или телёнка.

дворника Шамо, что ежедневно мёл всю Садовую от начала и до самого её конца, при этом напевая зычным голосом:

«Любил я очи голубые, теперь люблю я чёрные.

Те были милые такие, а эти непокорные...».

Он был небольшого роста, мускулистый и чернявый. Ежедневно, после работы, он надевал на себя странное приспособление, похожее на «козу» из набитой шерстью ковровой ткани, под названием «куртан», и шёл подрабатывать носильщиком. Говорили, что с помощью куртана, в лямки которого он просовывал свои большие руки, он в одиночку поднимал пианино на третий этаж, перехлестнув груз ремнём.

Так вот, когда Шамо входил в маленькую будку, чтобы спрятать там свою метлу и огромный жестяной совок, сорванцы запирали будку снаружи и дразнили его на тифлисском наречии из смеси русского, грузинского, армянского, курдского языков. До поры до времени муша Шамо терпел их наскоки, лишь устало улыбался детворе, но и его терпению пришел конец. Первым под его горячую и сильную руку попал сорвиголова Михо.

– А-ах шени, бемураз ты такой! – поймав того за шиворот, дворник с лёгкостью затащил сопротивлявшегося безобразника в будку и усадил на табурет напротив себя. Михо с ужасом следил за его правой рукой, крепко сжимавшей рукоять метлы. Но Шамо прочел мальчугану краткую лекцию на тему «старший-младший», а в конце произнёс фразу: «Сынок, – сказал он, – если не можешь сделать ничего хорошего, то и плохого не делай!». С этими словами муша Шамо выпустил его из будки, одарив на прощанье горстью конфет. Притихшие дети, ожидавшие суровой расправы над товарищем, были озадачены, когда он делился с ними сладостями и жизненной философией муши Шамо.

Калантаровы держали детей, по мере возможности, в строгости. Бывали дни, когда глаз с них не спускали. Именно по этой причине предпочитали неуёмные сорванцы обитать не в своём, а в соседних дворах, что победнее, с лёгкостью находя там новых друзей для своих игр и шалостей. Во дворах этих была особая прелесть – длинные и широкие деревянные резные балконы-галереи изнутри опоясывали дом ярусами, нависшими над маленькой площадкой двора, и на эти ярусы с ажурными перилами открывались двери комнат, расположившихся здесь анфиладой. Лестницы же здесь были часто винтовые и пристраивались к зданию снаружи.

Во двореке, куда повадилась ходить детвора Калантаровых, росли три дерева – акация, гранат и тута. И стоял «крант»²⁷ для общего пользования. Солнце появлялось здесь только на балконах, в комнаты к жильцам оно никогда не заглядывало. Зато попадало оно на третий этаж, где в глубоких многокомнатных квартирах жили «большие люди»: семьи старого доктора Шнитмана и инженера-железнодорожника Донцова, а также сухопарая учительница французского мадам Тер-Акопова, никогда не бывавшая замужем. Вход к ним был только с улицы, с парадного подъезда. Во второй ярус можно было попасть или через двор, вверх по деревянной лестнице, или по лестнице подъезда. В комнаты же первого яруса можно было войти только со двора. И стояли эти тёмные комнатухи, сиротливо прижавшись друг к другу так, что сосед всегда знал не только какой обед у соседа, но и о чём он думает, ведь в старом Тифлисе думать принято громко. Всё знает сосед, всё слышит и видит! По звуку определяет, чья дверь вдруг предательски скрипнула и догадывается – «с чего бы это? да что ты говоришь? а, ну конечно! как же это мне сразу на ум не пришло!». Подмечает внимательный сосед даже то, чья жена и когда... ходила... душной тифлисской ночью... расфуфыренная... поливать цветы! А цветы, несмотря на такую заботу, отчего-то не политые стоят месяцами и вянут...

Жизнь била ключом в этом мирке. То и дело разносилось с первого яруса:

– Ануш, бала-джан, поднимись к мадам, постучись культурно, спроси который час.

²⁷ Крант (прост.) – то же, что кран.

– Мама, потерпи, сейчас наш Арсен придёт, будет кричать «яйца, свежи яйца!», значит ровно десять часов.

– Ах ты, ленивая такая! – ворчала мать. – Ничего тебе поручить нельзя!

И тут во двор входит громкий голос продавца Арсена, протяжно поющий:

– «Яйса, свежи яйса!»

Тут же, на первых двух этажах появляются красные, жёлтые, синие халаты женщин в чустах²⁸, выстраивающихся в очередь к Арсену. Каждая накладывает яиц в свою корзину, предварительно просматривая их на солнце, и проверяя таким образом их свежесть.

– Что смотришь? Что там ищешь? – привычно ворчит Арсен. – Курица сегодня снесла...

А с другой комнаты доносится:

– Витик, вставай, лежебока. Арсен уже был! Завтракать пора!

Очередь у «кранта» занимали с самого утра. Знали, что сын портнихи, Арам, проснись он, будет полчаса в нём мыться, фыркая от удовольствия и подтягивая свои то и дело сползающие кальсоны. Керосинки на балконах уже шипели, вокруг них хлопотали хозяйки.

– Марго-джан, шакар чунес?²⁹

– Марили момеци ра, Жужуна – генацвале!³⁰

А старая Вартуш, высохшая от ветра времени, сидя на табурете возле окошка, пела свою любимую песенку:

«Ми пучур бабушка,

нстела акушка,

утума семушка,

наюма дедушка...»³¹

Толстый, неповоротливый Витик, завидев «братву» из Калантаровского дома, выбегал из комнаты, не доев свою кашу. За ним бежала его мать, крича и плача, что она «похоронит папу» и сама умрёт, если он не съест ещё одну ложку хотя бы ради неё.

После завтрака во двор, поближе к «кранту», выставлялись лоханки и начиналась стирка. В мыльной пене копошились женские руки. Они что-то усиленно оттирали, выжимали, затем полоскали, и снова отжимали. А потом заполняли отстиранным бельём верёвки, что протягивались через весь двор, от туты до акации, и от столбика к балкону. А на перила «выбрасывались» подушки, одеяла, коврики, которые предварительно хлестались рукоятками веников или швабрами. Детям нравились эти «занавеси», они помогали при игре в прятки.

А потом во дворе раздавался хриплый голос бойкой Нази-бебо, приводившей во двор своего старого ослика, на спине которого висели хурджины³²:

«Мацони! Ма-ла-ко-о!», – и опять хозяйки спешили вниз, на этот призыв.

– Почему этот мацони такой жёлтый? – спрашивала одна.

– Это «камечис», буйволиный, очень полезный. От всего лечит.

Спустилась и француженка, мадам Тер-Акопова. Но, увидев бедного ослика, у которого от старости уже провис хребет, она схватилась обеими руками за своё бледное лицо и с жалостью прошептала: «О, Mon Dieu! ³³Несчастное существо!» и удалилась, наотрез отказавшись покупать целебный кисломолочный продукт у бесчеловечной мацонщицы. Нико тогда показалось, что мадам пустила слезу, иначе отчего это она вдруг достала из кармашка кристальной белизны платочек и коснулась им своих глаз?

²⁸ Чусты (груз.) – то же, что и тапочки.

²⁹ Шакар чунес? (арм.) – Сахар есть у тебя?

³⁰ «Марили матхове ра, Жужуна – генацвале!» – В пер. с груз.: «Одолжи соли, пожалуйста, Жужуна дорогая!»

³¹ В пер. с арм.: «Одна маленькая бабушка сидит на окошке, кушает семечки, смотрит на дедушку»

³² Хурджины – большие перемётные сумки из кожи или шерсти для переноски сельскохозяйственных продуктов и др. С давних времён использовались у восточных и кавказских народов.

³³ Mon Dieu! – (франц. яз) – Боже мой!

– Дрянная старая дева! – прошипела ей вслед, блеснув глазами, мацонщица Нази-бебо. – Ишь ты, бла-га-род-ная какая нашлась, осла пожалела! Лучше себя пожалей! Прожила ты свою безгрешную жизнь, поэтому и не знала ни одного счастливого дня! – а потом, переключив взгляд на детвору, которая обступила со всех сторон света выючную скотину и гладила её до полного одурения, она завопила диким голосом:

– А ну-ка, руки свои уберите от моего осла!

Ребятки же, казалось, напрочь оглохли и продолжали своё дело, лаская ишачка и невзирая на громкие подзатыльники своих матерей.

Вдруг во двореике появляется зелень: киндза, петрушка, укроп, реган, тархун. Её катит перед собой на тачке сам продавец. Фрукты тоже едут, но не на тачке, а верхом на человеке. На голове его громадная плоская деревянная чаша с товаром. Настоящий кинто!

Раз в неделю, где-то в середине дня, вся Садовая на несколько часов теряла спокойствие. Женщины и мужчины хватали пустые бидоны и по гулким деревянным балконам, по гудящим деревянным лестницам взапуски неслись на улицу:

– Кэ-ра-син! – такое необходимое всем зажигательное слово.

Лошадь, железная бочка с керосином, пожилой армянин с колоколом в руке ещё только на подходе, а чьё-то чуткое ухо уже уловило звон, значит, лети поскорее, пока улица в неведенье дремлет. Вот люди и бегут, громяхая бидонами и клича любимых соседей.

А когда садилось солнце во дворе появлялся завсегдатай по имени Шакро. Он нёс на спине два мешка. Один был доверху наполнен воздушной кукурузой, слепленной подкрашенным сиропом в шары размером с яблоки. Сквозь другой просматривались очертания бутылок.

– Бады-Буды! На бутылки! Бады-Буды. Ме-ня-ю на бутылки!

Шакро был любимцем всех детей и злющим врагом их родителей.

– Ма-ма-а-а! – кричал Витик истошным голосом, будто во дворе начался пожар. – Дай три бутылки. Быстро! Наш Шакро бады-буды принёс!

– Ва-а-ай! – вырвалось из женской груди. – Не дам тебе никаких бутылок! Ишак ты карабахский!

Тот искривился и издал странный звук, похожий то ли на смех, то ли на плач.

– Ах, ты плут! Делай одно дело: или кричи и плачь, или не смейся, когда плачешь! Сто раз повторяла: хватит тебе уже эту заразу кушать! Намучилась я с тобой! Сдохнешь в один день, освобожусь от тебя! – Витикина мама подробно перечислила все беды, какие обрушились на неё со дня его рождения и по сей день. Сверкая глазами и хватаясь за голову, она в то же время зорко следила за тем, какое впечатление производит не столько на непослушное дитя, сколько на соседей, и, в зависимости от этого, то сгущала краски, то смягчала их.

Но хитрый Витик давно смекнул, что не нуждается в её благоволении. Точно зная, где в доме хранятся бутылки, он хватал их своими пухлыми руками в охапку, и, гремя стеклом и очертя голову, бежал менять их на сладкую кукурузу, чтобы поделиться хрустящими и сладкими шарами с другими мальчишками. Ведь иначе его, толстяка, не брали в игру.

А порой в этот шумный двор захаживал старик с пёстро расписанным ящиком на скрюченной спине. Звали его Шалико и был он потомственным шарманщиком. Переступив за кованую дверь, он снимал с плеча музыкальную шкатулку и располагался под акацией, чтобы завести «кормилицу». Шарманка была старой и страдала хрипотой, монотонным кашлем и перенесла на своём веку не одну починку. Да видно мастера попадались все никудышные, потому что в некоторых местах поющий «органчик» вдруг начинал заикаться, издавать печальный и дрожащий звук, точно старческий вздох, и всё плакал, плакал. И старое небо плакало вместе с ним морозящим дождём. А иногда он тянул одну и ту же ноту, сбивая все другие звуки, что делало музыкальное произведение фальшивым и нестройным.

Первыми на звуки плачущей шарманки бежали любопытные дети. Пока Шалико размеренно вращал рукоятку своего агрегата и скрипучим голосом пел подряд две песни о несчаст-

ной любви, с верхних ярусов дома, привязанные на веревках, опускались булки, рогалики, кусковой сахар и конфеты. А тонкая душой мадам Тер-Акопова, торопливо стуча каблучками, всегда являлась публике в нарядном виде: в длинной чёрной юбке и кремовой шёлковой блузе с брошью, и уважительно погружала монетки в его засаленный серый картуз. Собрав «урожай», мужчина накрывал шарманку старым чехлом из синего холста, взваливал на спину и тяжёлым шагом шёл дальше...

Однажды тётушки Калантаровы повели детей на прогулку по Михайловской улице, в парк, носивший странное название «Муштаид». Тётушка объяснила, что некий выходец из Персии по имени Ага-Мирфетах Муштаид получил эту территорию от властей и построил здесь дом. И была у него наложница, грузинская красавица по имени Нино. Мол, купил он её на невольничьем рынке в Константинополе, влюбился и женился на ней. После возвращения в Грузию Нино заболела и умерла. Супруг сильно скорбел по ней и похоронил её тело рядом с домом, а вокруг могилы посадил много роскошных розовых кустов и реликтовых деревьев, которые и стали фундаментом для этого парка.

В этом «Гульбищном саду для тифлисцев» царила обстановка праздника: продавали ситро и сладкую вату. А на одной из аллей усатый старик с перекинутым за сгорбленной спиной ящиком кричал зазывным голосом на тифлисском диалекте:

– Аба, пломбир в стака-анчике, цхел-цхели шоколадни маро-ожнии!³⁴

Нико ещё не знал вкуса мороженого, и тётушки, что сопровождали детей на этой прогулке, решили устроить им праздник.

– Аба, свежи-и-и, гариачи-и-и, маро-ожни-и-и! На раз-ре-ез!

Тётушки переглянулись, заулыбались, и одна из них, остановив мороженщика, попросила показать, какое такое у него мороженое «на разрез»?

– Сначала купи, а патом я тэбэ пакажу, барышня! – ответил тот, вытирая пот со лба.

Тифлисец рассуждает как? Сначала поверим, потом проверим! Не оттого ли люди живут здесь весело, легко и долго...

Когда мороженщик получил деньги, то взял нож, воткнул его в один из стаканчиков, и спросил:

– Папалам резат? – его глаза плутовски созерцали красивую барышню, которая, конечно же, никогда бы не согласилась, чтобы её стаканчик с мороженым был изуродован ножом.

Но даже изумительный вкус сливочного мороженого, быстро тающего и превращающегося на языке в капельки сладкого парного молока, не мог оторвать взгляда Нико от художников, что с кистями в руках стояли за своими, расставленными на ножках, мольбертами. Рядом с ними, на траве, лежали краски, бутылки оливы. Одни рисовальщики сосредоточенно что-то изображали на своих холстах, накладывая на них краски так, что становились заметными мазки кисти. Другие – только пришли и выбирали себе подходящее, хорошо освещённое, место, расставляли мольберты, посмеивались, перебрасывались шуточками и фразами...

Нико вздохнул, представив себя на их месте: «Когда же закончится это глупое детство?».

А ещё он учился русской и грузинской грамоте, по воскресеньям ходил с семьёй в Сионский собор поставить свечку Сионской Божьей Матери, по праздникам – в Казённый Театр, или оперу, что был построен в роскошном мавританском стиле и представлял собой совершенно очаровательное сооружение. В нём шли «Фауст» и «Аида». Но Нико, казалось, интересовало только рисование. Взяв в руки красный карандаш или уголь, он каждую минуту изображал всех живущих в доме и соседей. Везде: на бумаге, на заборах, на стенах домов и даже на скалах Сололакского хребта, у подножия которого располагался дом его благодетелей. А порой он забирался на крышу и начинал углём зарисовывать прямо на жестяной кровле всё,

³⁴ «Цхел-цхели шоколадни маро-ожнии!» – в пер. с груз. («а ну-ка, горячее-горячее шоколадное мороженное») – так, с ошибками, кричали во дворах продавцы мороженого., завлекая покупателей.

что оттуда видел: Метехи, неприступную крепость Нарикала, Святую гору Мтацминда, Ботанический сад и горделивую Куру, разделившую город надвое. Его рисунки очень нравились домочадцам, они с гордостью показывали их своим частым гостям.

После убогих Мирзаани и Шулавери, взор мальчика не переставал дивиться шумному колориту старого Тифлиса, служившему мостом между Европой и Азией. Узкие кривые улочки с маленькими домиками, что прижимались друг к другу, носили удивительные названия – Винный ряд, Угольная, Армянский базар, Башмачный ряд, Сионская, Банная, Ватный ряд, – они змейками ползли по склонам гор, вмещая в себя причудливо кипевшую городскую суету, включая всхлипывающее пение муэдзина с минарета незабвенной лазурной мечети на Мейдане.

Он бродил среди уличных лавок, что неровными рядами выпирали из домов и вытесняли прохожих на проезжую часть улицы. В этом месте, под лязг сотен весов с металлическими чашками, подвешенными к коромыслу на цепочках, можно было купить всё, что только могло возжелаться душе – персидские ковры, кувшины местные и привозные, фрукты, сукно.

Здесь трудились, зарабатывая себе на хлеб, добропорядочные мастера с подмастерьями, и ремесленники, пользовавшиеся большим уважением и соблюдавшие свои законы чести: гончары, оружейники, войлочники, сапожники и башмачники, кузнецы, ювелиры и слесари. Этим вольных мастеровых и мелких торговцев называли в Тифлисе одним ёмким словом «карачохели»³⁵, и многие из них отличались поистине рыцарской натурой, беззаботностью и хорошими манерами. Люди эти были плечисты и сильны, облачены в чёрные шерстяные чохи, обшитые по краям тесьмой. Под чохой у них ахалухи из чёрного атласа в мелкую складку. И такие же чёрные шерстяные шаровары, широкие книзу, и заложённые в сапоги со вздёрнутым носком, голенища которых перевязаны шёлковой тесьмой. Они подпоясаны серебряным ремнём, имеют расшитый золотом кисет и шёлковый пестрый платок «багдади», заложённый за пояс, а головы их венчает островерхая папаха из шерсти ягненка, под названием «цицака», или «перец». В зубах же, для пущей солидности, некоторые карачохели дымят трубку, инкрустированную серебром.

Прямо на улице здешние портные умудрялись находить новых клиентов, снимали с них мерки, и вот, глядишь, они уже уютжат новую рубаху, размахивая в разные стороны утюгом, наполненным горящими углями:

«Снимай свою старую сорочку! Отдай в духан, пусть там ею полы моют. Такой уважаемый человек как ты должен выглядеть достойно. Вот, бери, примеряй эту! Не жмёт нигде? Ну, тогда носи на здоровье, дорогой! Как сносишь – приходи ещё! И друзей приводи! Все довольны будут!».

Пройдёшь ещё пару шагов – новая встреча – цирюльник рад привести любого в человеческий вид, постричь или побрить, и даже предложит зевাকে «кровь пустить» для омоложения, для чего мигом извлечёт из банки противных чёрных пиявок и приложит их к нужному месту на теле.

Тут и пекари, круглосуточно пекущие горячий хлеб «шоти» в круглых печах «тонэ» из огнеупорных кирпичей. И при этом ещё и поют, ведь хлеб это любит, от этого он становится хрустящим и приобретает особый душистый аромат. Именно так должен пахнуть настоящий хлеб в старом Тифлисе. А там, глядишь – повара, как змеи-искусители, со своими мангалами, где томятся мучительно ароматные куски шашлыка, нанизанные на шампуры³⁶, дух от которых одурманивал и будил аппетит. Краснощекие мангальщики, пританцовывая, ловко орудовали над ними, как будто совершали магический ритуал: то крутя над огнем, то поднимая вверх шампуры, нанизанные трескающимися от жара и истекающими соком бадриджанами³⁷ и поми-

³⁵ Карачохели – в пер. с турецкого, «носящий черную чоху».

³⁶ Шампур – тонкий металлический или обтесанный деревянный стержень для жарки шашлыка.

³⁷ Бадриджаны (перс.) – то же самое, что и баклажаны.

дорами. А с подрумяненных и нежных кусков мяса сочилились в огонь капли жира, от чего угли приятно шипели и от них поднималось облако дурманящего дыма. Оно обволакивало прохожих, дразнило им ноздри, призывало замедлить шаг и влекло отведать блюдо, впиться зубами в обжигающее мясо.

Винные погреба, духаны, харчевни и чайханы – «утром – чай, вечером – чай, душка моя, не сердчай!». Отовсюду доносилось благоухание доброго кахетинского вина на любой вкус – старого и молодого, чёрного и белого, кислого, сладкого, сухого. И кваса, чачи, водки, чая или лимонада, выбирай что угодно настроению, чтобы запить вкусную еду. Но, прежде чем ввязаться в разговор с торговцем, убедись, что ты всё ещё слышишь звон шаури и абазы³⁸ в своём кармане...

Жизнь здесь начиналась задолго до рассвета, шумно кипела и была наполнена стуками молотков, звуками дудуки и зурны, песнями бродячих музыкантов, жалобными хрипами шарманок, перебранками торговцев с покупателями, свистками городских, криками разносчиков, воплями извозчиков скрипучих фаэтонов, танцами кинто и болтовнёй зевак, что толкались на перекрёстках. Среди них были и персы в аршинных шапках, и лезгины в мохнатых бурках, и курды, и татары, и турки в чалмах. Они продавали свои пряности, «заморские специи», и фрукты из Азии.

Но увидел наш Нико и новый Тифлис, совершенно европейский, что расположился в равнинной части города. Начинался он с Эриванской площади и продолжался хорошо освещённым Головинским проспектом с величественным Дворцом Наместника Российского Царя на Кавказе и Штабом командования войск Кавказского военного округа. А неподалеку, на Гунибской площади, вырос громадный Военный собор в византийском стиле. Параллельно Головинскому проспекту двинулись и другие улицы, вверх, на Мтацминда, и вниз – к Куре, где на Михайловской, Елисаветинской, Александровской и Воронцовской улицах возвышались ампи́рные или ренессансные постройки двух и трёхэтажных зданий. Здесь находились новенькие магазины, музеи, всевозможные учебные заведения, банки, конторы деловых людей и доходные дома. А также – редакции газет и журналов, что выходили на грузинском, русском, армянском и других языках. Господа, гулявшие по Головинскому, по внешнему своему виду почти ничем не отличались от живущих в Париже или Петербурге, холодно демонстрируя модные европейские новинки. И если в старом городе карачохели запивали свою печаль кахетинским вином, то здесь аристократия потягивала французский коньяк под звуки французского шансона. «Кавказский Париж» – именно так называли тифлисцы свой город. И коли кому выпадало счастье попасть сюда, волею судьбы или по службе, он тотчас же покорял всех своим неповторимым колоритом и духом. Не обошла эта участь и нашего Никалу. Этот удивительный город с его узкими улочками и широкими проспектами, отдал мальчику свою теплоту и привязал к себе навсегда...

³⁸ Грузинские монеты, появившиеся во время зависимости Грузии от Персии. Абази названа по имени Аббасса I Великого, начавшего чеканку таких монет в Персии.

Глава 4. Элизабед

Маленький Нико не знал, что судьбой будет ему уготовано провести в семье Калантаровых долгих пятнадцать лет. Здесь его заботливо оберегали от суровой правды жизни, и он чувствовал себя, как у Христа за пазухой. И все последующие годы его жизни в солнечном Тифлисе были ничуть не суровы, тем самым продлив его детство и юность. Домочадцы любили его, но особенно тёплыми были его отношения с Кеке и Анной, с которыми он, на правах младшего родственника, когда-то играл в прятки и ловитки в соседнем, «Витикином», дворе. Девушки повзрослели и вышли замуж, но продолжали жить в большом особняке на Садовой.

В дружном доме соблюдались многие грузинские обычаи и привычки, а члены семьи общались между собой на всех трёх языках, распространенных тогда в Тифлисе. И на своём родном армянском говорили не чаще, чем на грузинском или русском. Юный Нико никак не мог взять в толк, кто же эти замечательные люди на самом деле – грузинские армяне или же армянские грузины? Когда он, наконец, задал этот вопрос Анне, та, мило улыбнувшись, ответила с нескрываемой гордостью: «мы – тифлиссские армяне!».

Действительно, армян здесь жило много, порой, даже больше, чем грузин. Народ этот, терзаемый иранскими и турецкими завоевателями, искал защиты и расселялся по всему свету. Но большая его часть обрела долгожданный мир и покой у единоверных христиан в Грузии. Приветливый и гостеприимный Тифлис радушно принимал страждущих и роднил их. Будучи искусными ремесленниками и толковыми коммерсантами, армяне быстро слились с тифлисской культурой, начав ощущать себя частью города, и, трудясь на благо новой родины, становились преданными ей не меньше, чем земле своих предков. Зажиточные армяне в Тифлисе получали звание почётного гражданина – мокалака. А позже, когда страна стала частью Российской империи, они – богатые купцы, нефтяники и меценаты, занимали высокие посты и пользовались уважением, часто становясь градоначальниками и служа городу верой и правдой; вкладывали большие суммы для возведения разнообразных сооружений торгово-промышленного и культурного назначения, таких как – консерватория, театры, училища и гимназии, караван-сарай, больницы, заводы и фабрики, прокладывали мосты, водопроводы и канализации...

Поначалу Нико обитал в общей комнате для детей, а потом, спустя несколько лет, ему выделили отдельную комнату, хоть и небольшую, но очень светлую. Рос он человеком до удивления наивным, и крайне добрым, впечатлительным и честным. И, как в раннем своём детстве, любил помечтать в любую удобную минуту. Ему очень нравился театр и тётушки продолжали знакомить его с мировыми шедеврами, что проходили в Казённом театре Тифлиса. А по выходным у них были обязательные посещения церковной службы. Обязанности учить его грузинской и русской грамоте взяла на себя Анна. Перво-наперво обучила она его буквам, потом, частенько гуляя по Сололаки, заставляла его читать все подряд вывески на домах, почти до одурения. Так и недавно, гуляя по Вельяминовской улице в одну, а потом в другую сторону, говорила она мягко, но требовательно:

– Давай, Никала, не ленись, читай. А то опять буквы позабудешь.

И он, узнавая знакомые письмена, собирал их в слоги, а затем – и в целые слова:

№2 – угол ул. Армянский базар – 2-е ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА

– ГОРОДСКОЙ ЛОМБАРД

– СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО «ЯКОРЬ»

№2 – Булочная-кондитерская – И. П.Юзбашев

№2 – Винный склад – Егоров Егор Гаспарович

№2 – Маркозов И. М. – врач, хирург

№4 – Булочная-кондитерская – Карл Роллов

№4 – Егиазаров Иван Никитович – врач. Нервные болезни. Электролечение.

- №4 (6) – Татевосян Тигран Матвеевич – врач, детские болезни
№6 – ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ
№6 – Тер-Никогосова Сусанна Ивановна – зубной врач
№6 – Апель Ольга Вильгельмовна – 3-я женская гимназия
№6 – ТИПОГРАФИЯ «ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО» – Кохреидзе А. И.
№8 – М. А.Сундукян – Кабинет для чтения
№8 – И. Пфейфер – Бельгийское оконное стекло, домашние ледники. Склад.
№8 – Бакалея – братья Бостанджевы Казарос Нахапетович и Вагаршак Нахапетович
№8 – Агентства страховых обществ «ЭКВИТЕБЛЬ» и Товарищества «САЛАМАНДРА»
№8 – Винный магазин – Манучаров Георгий Кониевич
№8 – Георг-Бекян Т. И. – врач, глазные болезни
№8 – Степанов С. А. – зубной врач
№8 – Худабашьян И. В. – врач
№10 – Мелочная торговля – Арутюнов и Тамамшев
№10 – Худадов И. М. – Тифл. жел. дорожное уч-ще
№12 – «КУПЕЧЕСКИЕ НОМЕРА»
№12 – ТУРЕЦКОЕ КОНСУЛЬСТВО
№12 – Чайная – Товарищество «Губкин и Кузнецов»
№12 – Хатисов Иван Давидович – присяжный поверенный тифл. Окружного суда
№12 – Судаков Исидор Исаевич – Гор. уч-ще при Учительском институте
№14 – ЕГИАЗАРОВ Василий Сергеевич – Купец 1-й гильдии
№14 – Хизанова Софья Захаровна – акушерка
№14 – Вейс Исидор Леопольдович – посредническая контора
№16 – Тер-Ионисианц Я. Г. – присяжный поверенный
№16 – Арутинов и Тамамшев – мелочная торговля
№16 – Булочная-кондитерская – Саркисян А. А.
№18/2 – угол Лермонтова – ВАРТАНОВ Беглар Фомич – Купец 1-й гильдии. Сололакская
дешевая столовая
№20 – АГЕНТСТВО РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ – Сул-
ханов С. Х.
№20 – Худабашев Исаак Варганович – врач, женские болезни
№20 – Майсурянц
№20 – Хан-Агова А. М. – зубной врач
№24 – «МОСКОВСКОЕ» – страховое общество от огня
№24 – Мыкертьянц – врач, женские болезни
№26 – кн. Туманов Дмитрий Александрович
№28 – Абесологов Н. З.
№30 – Паповянц Александр Арт. – пом. прис. пов.
А потом они шли обратно, вдоль нечётных номеров Вельяминовской и Нико продолжал
чеканить вслух, уже более уверенно и бегло, поглядывая то и дело на Анну и ожидая от неё
похвалы:
№1 – Сараджева Е. И. – врач
№3 – Мучной магазин – Бродский Пейсах Исаакович
№3 – Торговля холстом – Гекелер И. Г.
№3 – Мухаринская Любовь Яковлевна – акушер и Мухаринский Арон Абрамович – внут-
ренние и кожные болезни
№5 – АГЕНТСТВО ОБЩЕСТВА АЗОВСКОГО ПАРОХОДСТВА
№7 – УПРАВЛЕНИЕ ТИФЛИССКОГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА
№7 – ДОМ АГАБАБОВА

№7 – Типография Варганова

№7 – Книжная торговля – Аветян Седрак Карапетович

№7 – Товарищество, «ГИР» – книги

№9 – Князь Бебутов В. Г.

№9 – ДОМ НАЗАРБЕКОВА – Тер-Григорянц А. С. – прис. пов.

№9 – Бакалея – Манвелов Варган Мирзоевич

№9 – Винный склад – Исаев Аршак Егорович и Мирзоев Степан Иванович

№11 – ДОМ ГЕОРКОВА – 3-Я МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ

№13 – Матинов Абгар Георгиевич – Купец

№13 – Самбегов Г. И. – Общ. вспом. нужд. уч-ся 3-й муж. гимназии

№13 – Арцруни Ваган Макарович – врач, ухо, горло, нос

№13 – Катанянц А. И. – врач

№15 – Тамамшева В. В.

№15 – Тер-Дагсанян – врач. Доктор медицины

№17 – ДОМ ХОДЖИМИНАСОВА

Прошло ещё какое-то время и вот уже Анна не скрывает своего восхищения от того, что: «Наш Никала прочитал все грузинские народные сказки, а сейчас, представляете, уже начал Библию читать!».

Но больше всего, как и раньше, Нико любил рисовать. И делал он это замечательно. Хотя, бывало, поверхностью для рисунка избирал он стену в комнате, да если бы только в своей! Изображения периодически появлялись также на стенах и окнах «святая святых» – огромной гостиной этого дома!

Здесь жизнь, спокойная и размеренная, шла своим чередом, никого не спрашивая, куда ей идти и где, на каких закоулках, поворачивать, чтобы идти дальше. Она текла в непрерывном ритме, несмотря на все противоречия и толчки, которые потрясали мир за порогом. Дети в доме подрастали, создавали семьи, у них появлялась своя детвора, и Никала, уже вовсе не мальчик, часто оставался за старшего, даря заботу новым домочадцам, рассказывая им сказки и забавляя их своими рисунками или сценками из увиденных им спектаклей. Но ему надо было устраивать и собственную жизнь, определяться с профессией, которая даст ему кусок хлеба. Ведь ему уже за двадцать, он – взрослый человек, мужчина...

Однажды Анна сообщила, что собирается пригласить на званый обед своего старого знакомого Башинджагяна – её ровесника и «настоящего художника».

– Представляешь, случайно встретила его на Вельяминовской улице. Он только вернулся из Петербурга, из Академии художеств. Покажем ему твои рисунки сегодня, Никала. Пусть скажет свое мнение...

Нико вздохнул, но ничего не ответил, лишь скромно смолчал. Он понимал, что пора было что-то делать со своей жизнью и с самим собой...

* * *

– А по-французски ты тоже говоришь? – спросила шестилетняя Сона, дочь Анны, бросив на Никалу лукавый взгляд.

– Нет, Сона-джан. Только по-грузински и по-русски. И немного по-армянски. Садись за стол, буду учить тебя читать.

– А зачем мне уметь читать? – не унималась шаловливая девочка. – Когда я вырасту, стану богатым купцом. Пусть мне другие читают...

– Ты права! – согласился с ней Нико. – Купцу не обязательно уметь читать. Важнее – уметь считать. Но купцом ты не станешь...

– Это почему же? – спросила Сона с любопытством, понимая, что этот великовозрастный ребёнок – «наш Никала» – раскусил-таки её лукавство.

– А потому, Сона, что женщины купцами не бывают. Это мужское дело... коврами торговать...

– Ай молодец! – вмешалась Анна. – Как хорошо сказал! А ты, мамина красавица-джан, слушай нашего Никалу. Он плохого не посоветует!

– И никакая я не красавица, мама. Меня девочки с улицы вчера уродкой обозвали, – пожаловалась она и грустно взглянула на обоих – Анну и Нико. Она, говоря откровенно, писаной красавицей никогда не была, видимо, породой своей пошла в отца.

– Цавт танэм!³⁹ А что красота, Сона-джан? – успокаивала её мать. – Красота – тьфу, хеч! Сегодня есть, завтра – её уже нету! Главное – ты умная. Вот научим тебя читать-писать и считать, посмотрим потом, у кого жизнь счастливее сложится, у тебя или у тех дурочек!

В этот момент в комнату шагнула Кеке в своём длинном, сильно приталенном платье из атласа зелёного цвета, с плотно облегающим лифом, отделанным бисером и золотой тесьмой. Пояс на её платье был из шёлковой ленты, а широкие его концы, богато расшитые золотом, спереди опускались почти до пола. На голове у Кеке – картонный ободок «чихти», обтянутый шёлковой тканью. Под ободком этим вуаль «лечаки» из тончайшей марли, закрывающая густые косы. Поверх головного убора, выходя из дома, она, женщина замужняя, накидывала большой шёлковый платок «багдади» или «чадри», в которые, отдавая дань традициям, закутывалась с головы до ног, оставляя открытым только лицо. А ноги её, длинные и стройные как у всего Калантаровского рода, включая престарелую и добрую душой Эпросине-ханум, оставленную в шулаверском имении в компании с нардами, были облачены в «коши» – туфли на высоком каблуке с загнутым вверх носком, без задников и из яркого бархата.

– А вот и наша Кеке явилась! – объявила Анна. – Где ты ходишь столько, сестра?

– На Мейдан ходила. Курицу хотела купить большую, – объяснила эта «законодательница моды», сверкая неизменными своими украшениями из бриллиантов на ушах, шее и тонких пальцах. – Да вот, кажется, вместо курицы мне петуха старого продали. Торгаш хитрющим оказался. Говорил сладкими речами:

– «Эй, красавица, мимо моих кур не проходи. Что хочешь из них выйдет – чахохбили, шкмерули или отменный сациви».

А я – ему:

– «Твоя курица больше похожа на петуха голландского».

– «Э-э-э, почему так говоришь, красавица? Какой еще петух? Обижаешь честного человека. Не хорошо это!»

– «А почему тогда у твоей курицы гребешок на голове?! И такие пёстрые перья!»

– «Не понимаешь, что ли? Это же модница-курица! Любит украшения. Как ты...»

– Ничего, – утешала её спокойная и рассудительная Анна. – Из старого петуха тоже можно сациви вкусное сварить. Главное, чтоб орехи были жирные, да сунели⁴⁰ хорошие... Уверена, что Башинджагану понравится. Не ел он настоящий сациви с тех пор, как покинул Тифлис. Откуда будут в Петербурге сунели?

Ближе к вечеру бронзовый колокольчик у парадной двери возвестил о приходе гостя. Чёрный костюм, красивые волосы, борода и усы, и, что особенно бросалось в глаза – это глубокий и задумчивый взгляд. Молодой человек скромно вошёл в дом и коротко представился, при этом галантно кивнув и протянув для рукопожатия свою крепкую ладонь с красивыми пальцами:

³⁹ Выражение «цавт танэм» (арм. яз.) дословно означает «возьму твою боль себе».

⁴⁰ Сунели или хмели-сунели (груз.) – ароматная сухая приправа, состоящая из высушенных и мелко измельчённых пряностей.

- Геворг Башинджагян. Художник.
- Очень приятно... А я – Нико Пиросманашвили.

До начала обеда Анна постаралась создать уют, располагающий к доверительной беседе и пониманию, во время которой, неспешной и приятной, выяснилось, что они, Геворг и Нико, оказались земляками. Тот родился в Сигнахи, в той же Кахетии, где и находится Мирзаани, родное село Нико. Что рос он в бедной, но образованной семье, и рано осиротел, взяв на себя заботу о братьях и сёстрах. С четырнадцати лет служил писцом в канцелярии мирового судьи, где его держали за красивый почерк, а также писал вывески для местных лавочников, получая двадцать копеек за каждую. И разница в возрасте между ним и Нико всего-то небольшая – Геворг был старше на пять лет. Но многого успел достичь! Сначала учился в уездном училище, затем в Рисовальной школе при Кавказском обществе поощрения изящных искусств в Тифлисе. А потом поступил в Императорскую Академию Художеств в Петербурге, где учился в пейзажном классе у известного живописца Клодта и был награжден серебряной медалью за картину «Берёзовая роща». Одновременно он посещал мастерскую самого Айвазовского и пользовался его советами. А после окончания учёбы Геворг отправился в путешествие по Закавказью, пройдя пешком всю Грузию и Армению, и сочиняя рассказы о повседневной жизни грузин и армян. Он также серьёзно увлёкся собиранием песен ашуга⁴¹ Саят-Новы. Превосходно зная грузинскую литературную классику, он переводил на армянский язык стихи Акакия Церетели. А потом и вовсе уехал в Европу, посетив Италию, в частности Флоренцию, Венецию, Рим, Неаполь, где воочию познакомился с искусством итальянских мастеров живописи.

- А как давно вы рисуете? – спросил Башинджагян, с интересом изучая рисунки Нико.
- С самого рождения, – вставила Кеке. – Вот вам крест! – все засмеялись этой шутке.
- С раннего возраста, лет этак с пяти, наверное, – поправила сестру Анна. – Да, Никала? –

тот тихо кивнул. – Он разрисовал все стены нашего дома, все окна, и, если бы ты поднялся на нашу большую крышу, ты и шагу бы ступить не смог – там повсюду рисунки нашего Никалы. А ты, Геворг-джан, когда начал рисовать?

– Да вот тоже пристрастился с раннего детства. Однажды, помню, на стене дома, у дверей, изобразил вешалку. И гости, которые пришли к отцу, приняли гвозди за настоящие. Попытались повесить на них верхнюю одежду и головные уборы и очень удивлялись тому, что их вещи падали на пол...

– А как вы попали в рисовальную школу? – рискнул поинтересоваться Нико. Он, казалось, уже не робел от присутствия незнакомого человека в их доме.

– В Сигнахи, по соседству с нами, жила семья уездного начальника Эраста Челокаева, а я дружил с их сыном Митей. Однажды тот стащил мой акварельный рисунок, который попал на глаза Орловскому губернскому чиновнику, гостившему у Челокаева, и он, как мне потом сказали, «разглядел талант» и помог с поступлением в школу... А у вас, юноша, – он посмотрел на Нико, – несомненно, самобытное дарование и вам непременно надо учиться. Можно обратиться в ту же самую школу, которую удалось закончить мне. Она на Арсенальной улице. Я бы мог отвезти вас туда, Нико, но мне завтра утром уезжать в Швейцарию...

– Милости прошу в гостиную! – в кабинет заглянула Кеке. На её щеках горел яркий румянец. – Обед на столе. Приятного аппетита!

В гостиной на большом овальном столе уже красовались изысканные грузинские блюда вперемешку с зеленью, овощами и фруктами! Здесь были острый суп-харчо с чесноком и нежной говядиной, поданный в дымящихся горшочках, красное лобио, бастурма.

- Угощайся, Геворг-джан! Не стесняйся! Будь как дома!

⁴¹ Ашуг (азерб. арм. перс.) – народный певец-поэт у народов Закавказья.

Художник повёл над харчо носом, восхитительный запах блюда взмыл к его ноздрям, и он поднял глаза к потолку, выражая своё наслаждение ароматом. Все дружно застучали ложками, хваля этот чудесный суп и говядину на косточке, общались, смеялись. А, опустошив горшочки, стали элегантно промокать рты кончиком кружевной салфетки. Нико успел заметить, как это делает их гость – интеллигентно и благовоспитанно. Сказывалось долгое пребывание в столице Российской империи. Он, Нико, уже ни о какой еде и думать не хотел после изумительно вкусного и сытного харчо, но сидящих за столом ожидало продолжение трапезы. И всё бы хорошо, да вот только Сона, как всегда, капризничала, отказываясь есть.

– Моя девочка, ты почему руки не помыла перед обедом?

– Не хочу есть! Я не голодная...

– Ай ахчик-джан, что хочешь? Чем тебе угодить, княгиня наша «блага-вер-ная»? – нервничала Кеке, потихоньку теряя терпение и обрушив свой гнев на непослушную племянницу, а та всё продолжала упрямиться, уставившись в окно. Похоже, ей нравилось, что взоры присутствующих были прикованы к её важной персоне.

– Что хочешь делай тогда! Живи как хочешь! Не подойду к тебе больше, не обниму, не поцелую, не назову «бала-джан»! Захочешь напиться – вот Кура... Захочешь купаться – вот Кура...

Ох, и любила же она проводить воспитательные беседы с хитрющей и смекалистой девочкой! Однако, всегда держала себя в руках, никогда не позволяла себе её шлёпнуть. Поругать – да! Но не шлёпнуть!

И, наконец, вот он – холодный «сациви» – прямо со льда, с кусочками отварной курицы или, точнее, петуха, купленного сегодня на Мейдане, и утопающего сейчас в густом ореховом соусе с янтарными капельками масла и мелко нарезанной зеленью киндзы на поверхности. Его подали с горячим «гоми» – кукурузной кашей.

– Какое сациви готовит наша Анна! – хвалилась Кеке, посматривая на Геворга. – Поэма, а не сациви! Не раскроешь своего секрета, сестра-джан, если очень попросим?

– Никакого секрета у меня нет, – скромно отвечала Анна. – Орехи не экономлю. К соусу добавляю пару столовых ложек винного уксуса, потом тщательно всё перемешиваю, даю разок закипеть и ставлю на холод для загустения...

– Иф-иф-иф! – восклицала её сестра. – Сациви удалось на славу! Пальчики оближешь, и язык проглотишь! Объедение, а не блюдо!

А на десерт на крахмаленной скатерти стола появились «пеламуши» и армянская гата – выпечка со сладкой начинкой «хориз»...

* * *

Быстро опустился вечер. В домах зажигались огоньки. Со стороны Мтацминдской церкви доносились удары колокола. Их глухой тоскливый звон рассыпался в отсыревшем воздухе. Гость, пожав всем руки и поблагодарив за тёплый приём и вкусный обед, попрощался с гостеприимными хозяевами и ещё раз пожелал Нико удачи.

Сам же Нико долго не мог уснуть той ночью, ворочаясь в постели с боку на бок. Ему не давали покоя слова Башинджагяна. И, на следующее утро, он, набравшись храбрости, отнёс свои рисунки на Арсенальную улицу... Когда он подошёл к серому зданию школы, его встретили недруги. Его собственные недруги: полная неуверенность, тревожные сомнения, страх перед переменами и **НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ**. Этот последний его враг оказался сильнее трёх предыдущих. Он, обратившись тяжёлыми кандалами на ногах, не давал Нико сделать и шагу. Сомнения его переросли в мелкую, противную дрожь, поселившуюся в руках и безжалостно сотрясающую сейчас всё тело... В странной задумчивости он потоптался на месте, у порога школы, оглядываясь по сторонам, словно взглядом ища кого-то, кто подтолкнул бы его. И, не

дождавшись никого, повернул назад, к дому, милому дому, успокаивая себя тем, что «ещё не готов» к переменам.

* * *

Вскороности большое семейство Калантаровых встречало свою дочь. Приехала сестра Анны и Кеке – Элизабед. Бедняжка! Она, похоронив мужа в Баку, вернулась в родной дом на Садовой вместе с маленьким своим сынишкой Солико.

Нико не виделся с ней почти десять лет. И, любуясь ею, изменившейся до неузнаваемости, похорошевшей, с короткими милыми локонами живописных волос, закрывавших виски, в современном европейском наряде, он дивился тому, что была она теперь совершенно непохожей на ту девочку, рядом с которой он провел беззаботное детство. Она стала красивой и элегантной, а её манеры, внешность, лицо и выражение глаз говорили о том, что перед ним – истинная аристократка!

Сердце его внезапно дрогнуло. Он вспомнил о том, как ещё тогда, в детстве, испытывал к ней особую симпатию за её мягкость и кротость, добродушие и приветливость. И вот – она здесь, сидит перед ним, заботливо глядя послушного сына по голове, и тихо, но так увлекательно, рассказывает о жизни людей в Баку. О своей жизни. О сыне.

В голосе её было столько достоинства, столько теплоты, что Нико почудилось, словно с ним говорит его мать. Слова её лились как полноводные реки, размеренно и мудро, неся в себе удивительно притягательную силу. По его телу пробежал трепет, а от её искренней улыбки едва не подкосились колени. Он был повергнут в смятение странным, внезапно нахлынувшим чувством, будучи не в силах объяснить и самому себе, что оно значило. Никогда ранее он такого не испытывал. Хотя нет... однажды что-то подобное с ним случилось. Было это в далёком детстве, ещё в Мирзаани, когда он, гуляя по селу, случайно встретил маленькую девочку с воздушным шаром. Вот бы вспомнить, как её звали! Кажется, Иамзэ... И вот это волнительное ощущение вновь посетило его, оно не поддается никакому словесному описанию, лишь напоминает состояние восторженной влюблённости, выход в мир, к солнцу, и радостное предвкушение чего-то нового, прекрасного, и доселе неизведанного...

А Элизабед заметила, что милый робкий мальчик с наивными глазами превратился в молодого мужчину, стройного и румяного. Научился читать и писать, хотя и делает это с ошибками, и более или менее правильно излагать свои мысли. Это были единственные изменения, которые пришли к нему со временем. В остальном же – Никала остался ровным счётом таким, каким она его помнит. Добрым, простосердечным, застенчивым и совершенно несамостоятельным РЕБЁНКОМ; он так же сиял нетронутостью своей души, наполненной возвышенными устремлениями.

Мудрая женщина видела в этом юноше беспомощность, его неготовность для борьбы за существование. И, сердечно желая помочь другу детства, она стала подыскивать настоящих художников, которые, несомненно, согласились бы за плату заниматься с Никалой живописью. Но этому, как видно, не было суждено сбыться. У Нико неизменно находились отговорки. Хотя, как-то вдруг он сообщил, что хотел бы поучиться ремеслу, и Элизабед с превеликой радостью отвела его к своему старому знакомому, хозяину типографии, расположенной на Михайловской улице. Старый еврей, придирчиво рассмотрев Нико поверх своих роговых очков, сообщил, что ремесло типографа хорошо кормит, да и заказов, мол, у них много. А само занятие связано с чтением, картинками, требует ума и усидчивости. Трудиться придётся, порой, день и ночь. Нико поначалу согласился, но проработав у старого еврея лишь короткое время, он вернулся в дом, объяснив, что типографское дело не пришлось ему по душе. Не мог же он признаться, что, на самом деле, он страшно скучал по Элизабед и не мог больше ни дня выносить разлуки с ней!

Одoleваемый влюблённостью и одновременно той скрытой опасностью, каковую она в себе таила, он, вставая по утрам с постели, начинал стыдиться своей страсти и сокровенных мыслей, пережитых в ночную бессонницу! Никогда не умел он говорить о нежных чувствах, всё боялся, что засмеют его. И сейчас старался не тешить себя грёзами. Однако, одно обстоятельство упрямо подталкивало его к действиям: он замечал, что с появлением Элизабед, в их шумном доме всё чаще стали собираться молодые люди – высокородные грузинские и армянские аристократы и богатые коммерсанты, – которые, Нико был в этом уверен, поглядывали на Элизабед с интересом и галантно оказывали ей знаки внимания. Она же, будучи женщиной благовоспитанной, не отвергала их в резкой форме. И робкая надежда, поселившаяся в нём – единственное, чем он располагал, – заставляла его спешить. Теперь он старался найти любой предлог для более частого общения с ней. Игра в нарды, например! А что? Очень даже «умное и достойное занятие», как поговаривала старая Эпросине-ханум. А однажды он предложил нарисовать её портрет. Она с удовольствием согласилась ему позировать в гостиной, и он стал её рисовать, а потом вдруг нещадно уничтожил нарисованное. Снова рисовал – и вновь уничтожал с одной единственной целью – любой ценой удержать её подольше рядом с собой... Следующим робким шагом с его стороны было попросить у неё разрешение прийти для общения в её апартаменты, поскольку гостиная в тот вечер была занята деловыми людьми...

...Головинский проспект наполнен нарядной, богатой и весёлой публикой. В здешних цветочных магазинах элегантные дамы в широких шляпах, внешне напоминающих корзины, перебирают дары флоры в соломенных корзинах, лёгких, как сами шляпки. Нико, покопавшись в кармане и вытащив оттуда немного денег, покупает одну-единственную красную розу, недавно распутившуюся и благоухающую влагой. Затем он стремглав мчится в дом, ведь он совсем близко, прижимая цветок к груди, при этом многократно ранит пальцы его острыми шипами.

– Это тебе, Элизабед! – изрёк он, запыхавшись, у самой двери, и протянул ей цветок. – Не хотел с пустыми руками приходиться.

Она искренне поблагодарила и позволила ему войти. Он несмело ступил в комнату и огляделся по сторонам. Уже пятнадцать лет он живёт в этом гостеприимном и ставшем ему родным доме Калантаровых, но эта дверь для него открывается впервые. Идеальное убранство покоев дышало богатством. Здесь пахло старинной мебелью, лаком и добротным дубом на полу, покрытом большим турецким ковром. На стенах, обитых тёмно-красным атласом с золотыми узорами, висели картины. В середине комнаты стояли овальный стол и стулья, чьи резные ножки были выполнены в виде лап животных. А в углу, у широкого окна, обитал кабинетный рояль из красного дерева с двусвечниками. Так вот значит откуда шли завораживавшие его душу звуки чарующей музыки, порой тревожной и печальной, но чаще – волнующей и чувственной!

Нечаянно его взгляд остановился на толстой старинной книге, лежавшей на столе и раскрытой приблизительно посередине. И правая его рука сама собой потянулась к увесистому тому.

– Что это, Элизабед? – робко поинтересовался он.

– А ты сам прочитай название, Нико, – предложила она. – Ты ведь недурно читаешь. – и молодой мужчина, боязливо положив руку на правую сторону открытой книги, осторожно взглянул на её мягкую кожаную обложку.

– Шо-та Рус-та-ве-ли. «Ви-тязь в тигровой шку-ре», – медленно и почти шёпотом прочитал он и поднял на Элизабед свои задумчивые и наивные, почти детские, глаза. В них таились неподдельное удивление и вопрос.

– Да, это Шота Руставели, – ответила она, бережно поглаживая рукой огромный фолиант в дорогом переплёте с медными застёжками. – Любимая книга грузинского народа, сокровищ-

ница его вековой мудрости, и непревзойденный шедевр поэзии. – а завидев его сосредоточенный взгляд, спросила:

– Ты об этом что-нибудь слышал?

– Слышал... но очень мало. – он стоял смущенно, словно пораженный громом, стесняясь взглянуть ей в лицо. И, неуверенно опустив голову, он видел сейчас, как ткань дорогого шелкового платья повторяет очертания её длинных точёных ног. Ей же, женщине просвещённой и умной, было очевидно происхождение этого чувства. Ведь Нико явно стыдился своей малограмотности. Однако, всего через миг, заметив на её лице очаровательный румянец, он смог пересилить себя и попросил:

– Ты ведь расскажешь мне о Руставели, Элизабед?

– Конечно расскажу, Никала. А ты... ты не стыдись учиться. Понимаешь? Лучше узнать о чём-то позже, чем никогда. Ну, а теперь садись-ка ты на этот диван и слушай...

* * *

История эта произошла около семи столетий назад. Тогда, вблизи от Кутаиси, на высокой горе, царь Давид Строитель построил Гелатский монастырь. И основал там академию – центр античной философии. Много учёных и философов преподавали в ней. Здесь, в качестве лучшего ученика, и появился семнадцатилетний Шота Руставели.

С малых лет любил он читать и, говорят, проявлял интерес к философии: ещё в юношеском возрасте стал победителем на поэтическом турнире. В академии Руставели выучил нотную грамоту, учился зодчеству и живописи у лучших мастеров Грузии. И любил подолгу смотреть на удивительную Колхидскую долину, на её роскошные леса и зеленеющие луга, любоваться бурной Риони, по которой плыл Ясон за своим «золотым руном». А ещё пристрастился он к охоте и, бывало, целыми днями пропадал в лесу, охотился или плавал, наслаждаясь дикой природой.

Наступила весна, и, чувствуя молодых учёных, окончивших академию, на Гелатской горе был устроен турнир, на который приехала молодая Тамар – справедливая и мудрая царица Грузии. Руставели знал, что о ней слагали легенды, воспевали её красоту и великодушие. Несравненная правительница строила несокрушимые крепости, храмы и дворцы, дороги, корабли, поразительные мосты через реки и ущелья, школы. При ней стала плодоносить земля, тучнели стада, развивались ремёсла и торговля. Она приглашала ко двору лучших учёных, поэтов, философов, историков и богословов. И страна её процветала, став за короткое время одной из богатейших держав того времени.

И сейчас, когда «царица царей» восседала на возвышенном пьедестале, под дымчатым балдахинном, Руставели с интересом наблюдал за ней, прекрасной молодой грузинкой, статной и грациозной, с тёмными, удивительно глубокими глазами. Но это восхитительное созерцание было прервано гулом колокола – начинались состязания в метании копий, борьбе, верховой езде и игре на музыкальных инструментах. Шота Руставели выходил победителем во всех соревнованиях, а когда началось чтение стихов, творения этого славного витязя, похожего на античного бога, поразили всех. Царица не скрывала своего восторга. Никогда раньше не доводилось ей слышать таких слов, умело облачённых в божественную рифму, да чтоб лились они так легко, воздушно и музыкально. Никому ещё не удавалось с такой силой донести до слушателей чеканность грузинской речи.

Пришло время вручать награды победителям. Это были дорогие одеяния из бархата и парчи, и кинжалы в инкрустированных серебром оправках. А в конце церемонии громкий голос глашатая объявил, что главный приз получит тот смельчак, кто стрелой пронзит яблоко, которое солнцеликая царица будет держать в руке. После того, как прозвучали эти слова, Тамар взяла со скамьи маленькую золотую шкатулку и достала из неё яблоко, румяное и золоти-

стое. Среди молодых витязей поднялся ропот, мол, великая царица не должна подвергать себя страшной опасности, ведь шальная стрела может поразить её. Они почтительно преклонили перед ней колени, и стали умолять её отменить это состязание или заменить его на другое. На что храбрая Тамар возразила, что её не страшит никакая опасность. И только Шота Руставели не было среди них. Он стоял в сторонке. Лицо у него покраснело от возбуждения, щёки горели и были похожи на это красное «яблоко раздора». Случайно поймав на себе вопросительный взгляд государыни, он молвил:

– Если действовать не будешь, ни к чему ума палата. О, богоподобная царица, возьми в руку яблоко своё. Я пронжу его стрелой.

Он спокойно достал из широкого колчана ледяную быстролетящую стрелу. Толпа ахнула. Неужели этот безумец отважится стрелять? Все наперебой стали его отговаривать. Но он, не слушая никого, смотрел в одну точку – на то сочное райское яблоко, которое царица подняла над головой. А потом, чинно подойдя к ней, он воткнул в плод жало смертоносного оружия, пронзив его насквозь и высоко подняв вверх на острие стрелы. Царица рукоплескала стоя, держась гордо и с достоинством... Её губы чуть шевельнулись, и с них сорвалась маленькая искорка, сорвалась и, точно бабочка, легко запорхала и полетела над Колхидской долиной...

– Значит это была загадка, которую удалось решить Шота? – уточнил Нико. Он сидел перед Элизабед как прилежный ученик, слегка наклонившись вперёд и боясь шевельнуться, и жадно ловил каждое слово своей «учительницы».

– Да, Нико, ты прав, – лучезарно ответила Элизабед, обрадовавшись смекалке Нико.

– Интересно! А что было дальше? – осведомился он с нескрываемой увлечённостью.

– А потом... потом царица объявила, что Руставели заслужил золотой венец. Но было заметно, что не все с ней согласились, кое-кто из витязей зароптал, мол, немудрено проколоть яблоко. На что справедливая царица ответила, что предлагала пронзить плод, а расстояние, с которого следовало это сделать, не указала! После этих слов она собственноручно надела на голову Руставели золотой лавровый венец и величаво протянула ему руку для поцелуя. Молодой витязь преклонил колено и коснулся губами руки владычицы обширной страны, что располагалась от одного моря до другого. Потом он поднял голову и посмотрел в её глаза, а её очи – смотрели на него. Так он на всю жизнь лишился покоя. И яблоком тем оказалось его собственное сердце, пронзённое стрелой любви...

В тот же день Руставели было предложено стать придворным поэтом. Конечно же, он принял это предложение, считая его самой большой удачей в своей жизни. Ах, если бы мог он знать, что это назначение обернётся ему самым большим горем.

Его талант развивался в окружении лучших философов и мыслителей «золотого века», как называли период правления великой царицы. Начиная свой день заседаниями на государственных советах и собраниях, он заканчивал его поздно вечером – в беседах и спорах о мудром царе Соломоне, о псалмах Давида, о философии Сократа, Платона и Эпикура. А долгими ночами, пока не догорала последняя свеча, он писал стихи о дружбе, преданности и любви. Любви к той, которая озаряла его животворящим светом. Это безмолвное чувство поселилось в нём в тот миг, когда он впервые увидел её, и ширилось теперь с каждым днём, становясь всё сильнее и бездонней...

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,

Ни с каким любодеем не равняется она:

Блуд – одно, любовь – другое, разделяет их стена.

Человеку не пристало путать эти имена...

...Элизабед вдруг замолчала. Серьёзное выражение её благородного лица, безграничная теплота чёрных, как смоль, глаз возбудили странное и тревожное беспокойство в душе Нико. В её же – такой же ясной и лучезарной, как и сам взгляд – пылал всепоглощающий пожар, однако на лице невозможно было прочесть ничего. И он не выдержал, тихо спросил:

– А что случилось потом, Элизабед?

– Однажды на охоте, – продолжила она свой рассказ, – в окрестностях древней Мцхеты, где сливаются воедино воды бурной Арагви и степенной Куры, царица и Шота Руставели, оказались одни верхом на своих скакунах. И она попросила почитать стихи его сочинения и в ожидании взглянула на него.

– Хорошо, моя царица! – ответил поэт и начал декламацию куплета:

Воспоём Тамар, величьем восхищающую взоры!

Для неё из слов хвалебных я уже сплетал венки.

И перо-тростник поили глаз агатовых озёра,

Пусть сердца пронзает песня, как отточенный клинок!..

Не знал тогда Шота, что эти строки станут вступлением к его бессмертной поэме. Закончив чтение и посмотрев на Тамар, ему показалось, что его патетическая декламация была произнесена впустую. И оказался прав.

– Тебе известно, витязь, что не жалую я стихов в свою честь! Весь двор тем и занят, что без устали одаривает меня хвалебными речами. Почитай что-нибудь другое.

– Да будет так! – ответил он. И, поблуднев, произнёс:

Тот, кто любит, кто влюблённый

Должен быть весь озарённый,

Юный, быстрый, умудрённый,

Должен зорко видеть сон,

Быть победным над врагами,

Знать, что выразить словами,

Тешить мысль, как мотыльками —

Если ж нет, не любит он...

Она всё поняла и сейчас молча глядела на него.

– Моя царица, позволь признаться тебе... – он шагнул к ней, но мрак окутал его глаза, в них стояли кипящие слёзы.

Тамар не произнесла ни слова. Воцарилось гнетущее молчание, и вдруг откуда-то донесся резкий крик совы. Конь царицы рванулся вперед, поскакал... и остановился на вершине холма. Руставели догнал Тамар – и замер: на ее глубоких очах, как яркие алмазы, повисли две хрустальные слезинки.

– Зачем ты пытаешь судьбу?.. – не закончила фразу царица.

Кровь отлила от его лица. Он понял свою ошибку: он поторопился, поспешил...

Воцарилось безмолвие, нарушаемое стуком двух сердец. Они бились, как бы соревнуясь между собой.

Долго ехали всадники в кромешной тишине, пока Тамар не нарушила гнетущего молчания:

– Ты поезжай в Афины, Руставели. Набирайся там знаний... Воспользуйся этой возможностью! Ах, если бы я не носила сей тяжёлый венец! С какой радостью посетила бы я солнечную Элладу – родину Гомера и Аристотеля, Платона и Сократа, страну языческой радости и жизнелюбия... Путешествие – это тоже бессмертие... Поверь мне, моё счастье не больше твоего.

– Я повинуюсь воле моей госпожи, – почтительно преклонив пред царицей голову, произнес Руставели.

– И вот что ещё... Чувство своё перенеси на пергамент. Напиши книгу о любви. Это не повеление владычицы. Это – её просьба.

– Я её исполню, моя царица, – дал ей слово Шота.

«Мудрый борется с судьбою, неразумный унывает» – так успокаивал себя поэт. И через неделю он уже стоял на палубе корабля, что медленно и величаво подплывал к проливу Босфор. Пурпурные лучи заходящего светила освещали небосвод и величественную столицу Визан-

тии – Константинополь – колыбель изысканности и культуры, и чрево коварства и низменных чувств рода человеческого. Он плыл дальше, держа путь в удивительную и прекрасную страну Элладу, со всех сторон окружённую лазурным морем. Говорят, там царит вечная весна, в садах растут маслины, а на склонах гор – виноград, по вкусу похожий на тот, что рождает его родная грузинская земля. В страну, над которой простирается ясное голубое небо, а вершины неприступных гор, где обитают бессмертные боги, теряются в облаках. А в низинах живут люди, которых привлекают неведомые заморские страны и чудесные истории о славных героях, их битвах и великих победах, а также о греческих небожителях, их безрассудных пирах, приключениях, шумных ссорах и примирениях.

Солнце медленно опускалось в воды моря, делая его волны спокойными и умиротворёнными. Но душа Руставели ныла тоской и болью, а разлука с той, что подобно всеильному божеству владела его разумом и телом, становилась всё более невыносимой...

Как-то розу вопрошали:

«Ты красива, стан хорош.

Но зачем в шипы одета?

Путь к тебе с трудом найдёшь».

Та в ответ: «Путь к сласти – горечь,

Кто нам дорог – тот пригож.

Коль краса для всех доступна,

Ей цена – всего лишь грош...»

...Прибыв на благословенную землю великих эллинов, Руставели стал изучать их поэзию, архитектуру и скульптуру, и, погружённый в вечную думу, бродил он по развалинам Акрополя, залитым бронзовым солнцем, где каждый камень дышал бессмертной историей.

Спустя годы, он – мудрец и поэт – вернулся на родину, да не с пустыми руками – он привёз с собой свою новую поэму «Витязь в тигровой шкуре». Был он встречен с восторгом и призван ко двору. А непревзойдённый шедевр его поэзии начали читать и переписывать от руки. В ней влюблённый Шота воспел идеалы любви, дружбы, благородства, чести и добродетели. Все эти высокие качества видел он в своей великой правительнице. Но, чтобы скрыть свои чувства и не навлечь тени сомнения на возлюбленную, Руставели специально перенёс действие поэмы в Индию и Аравию. Хотя, если читать её внимательно, то в каждой строке угадываются образ прекрасной, величественной царицы Тамар и чувства несчастного поэта, упоённого безответной любовью.

Но Грузия, как показалось Руставели, была уже не той, которую он оставил несколько лет назад. И Тамар... Тамар, мысли о которой занимали всё его время на чужбине, тоже изменилась. Стала холодной и сдержанной царицей. К тому же, пройдет всего несколько лун, и она... она станет женой осетинского князя Давида Сослана... по своей воле...

Ты, увидев эту свадьбу,

сам бы сердцу приказал:

«Погуляй с гостями, сердце!

Не спеши покинуть зал!»

Нет, сердце Руставели не в силах этого вынести... «В плен захваченным любовью трудно муку превозмочь»!

А тут ещё коварное дворянство и высшие чины духовенства выискали в поэме осквернение устоев жизни и противоречия с христианством и стали жаловаться на поэта царице. Тамар не хотела видеть в Руставели политического противника, но вскоре была вынуждена подчиниться натиску властных князей, и отвернулась от своего стихотворца, согласившись на его изгнание из страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.